

Глава 4.

Пространство и время в символическом измерении¹

Время и пространство принадлежат к числу наиболее востребованных категорий в гуманитарных науках. Философы и социологи, психологи и географы, фольклористы и лингвисты изучают их понятийные и символические аспекты, а также различия их восприятия в разных культурах (см. по этому поводу Адамовский 1994; Арутюнова 1998; Бахтин 1979а; 1979б; Рикёр 1984; Тураева 1979).

В отличие от тем, обсуждавшихся во 2-й и 3-й главах, размышления иммигрантов о времени и пространстве редко представлены в виде законченных и структурированных нарративов. В большинстве случаев мы находим их в описаниях того, каким представлялся нашим информантам Израиль до эмиграции, в рассказах о первых впечатлениях о новой стране и в рассуждениях о ностальгии. Несмотря на то, что почти в каждом интервью говорится о проблемах адаптации к новому месту и незнакомой системе социального времени, мало кто осознает, что это часть процесса аккультурации в новом обществе.

В общественных науках время понимается как социальный конструкт (Адам 1990: 42). Человек использует его как средство установления истины, осмысления событий в контексте других событий и явлений и, что особенно важно для нашего исследования, это одно из средств утверждения собственного я. Создавая свой дискурсивный автопортрет, человек часто включает в нарратив описание места, которым может быть дом, рабочее пространство, город или вся страна. При этом место конструируется в определенном времени и становится важной частью личности, ее «собственностью», которую следует демонстрировать и защищать (Тэйлор и Визерелль 1999: 56). Так как в сознании человека категория времени структурируется общественной деятельностью, его восприятие неоднородно в различных культурах и постепенно видоизменяется с ходом истории. Каждый человек впитывает систему социального времени с характерными для данной культуры зако-

номерностями, циклами и ценностями. Социолог Эвиатар Зирубавель указывает, что периодичность общественной жизни оказывает большое влияние на познание мира. Представление о том, как членится время в окружающем мире, позволяет нам упорядочить отношения с ним. Напротив, отсутствие временных закономерностей и цикличности в общественной жизни приводит к чувству неуверенности (Зирубавель 1981:12). Израильский антрополог Дебора Гольден утверждает, что в усилиях общества «переделать» выходцев из бывшего СССР, а мы добавим, ассимилировать их, особое значение придавалось перестройке ориентиров временной системы группы. Даже такой невинный, казалось бы, вопрос, как «сколько времени Вы живете в Израиле?», с которого почти всегда начинается общение с вновь прибывшими, совсем не случаен. В зависимости от ответа иммигрант получает соответствующий социальный статус. В то же время предполагается, что с увеличением «стажа» новый гражданин автоматически поднимается вверх по временной, а значит, и социальной лестнице (Гольден 2002а: 9, 19).

Непривычное членение времени ощущается всеми с первых дней пребывания в Израиле. Евреи издревле определяют дни религиозных праздников по лунному календарю и ведут летосчисление со дня творения, датой которого считается 3761 год до нашей эры². Таким образом, рубеж тысячелетий, 2000 год по григорианскому календарю соответствовал 5760–5761 году по еврейскому. Еврейский год начинается осенью, в сентябре или октябре. Эмигрантам приходится привыкать к тому, что выходной день не воскресенье, а суббота, а рабочая неделя начинается в воскресенье. Дни недели обозначаются первыми 7 буквами алфавита или цифрами. Так, воскресенье называется *йом ришон*, первый день или *йом алеф*. Все выходцы из СНГ, а особенно те, кто жили в северных районах России, с удивлением обнаруживают, что рабочий день начинается очень рано, зато в полдень многие учреждения в секторе обслуживания закрываются на трехчасовой перерыв. Более того, во вторник большинство из них вообще заканчивают ра-

боту к 13 часам. Большое разочарование ожидает наших соотечественников, когда выясняется, что такие любимые всеми праздники как Новый год, 8 марта не считаются в Израиле праздничными днями и ничем не отличаются от других рабочих дней (совсем недавно был, наконец, признан День Победы). С другой стороны, значение религиозных еврейских праздников, являющихся одновременно и национальными праздниками страны не всегда понятно светским евреям из бывшего СССР (см. главу 2).

В государственных учреждениях пользуются обеими системами летосчисления. Дата на официальных документах часто обозначается и по еврейскому, и по григорианскому календарю. На русскоязычных радио и телеканалах, так же, как и в радио- и телевидении на иврите, каждый день объявляется дата по еврейскому календарю. В обычной жизни происходит разделение: годы и месяцы обозначаются по григорианскому календарю, и никто из наших информантов не пользовался в речи ивритскими названиями. Скорее всего, многие их не знают, так же, как не знают и правил перевода даты из одного календаря в другой. А вот дни недели эмигранты, даже те, которые совсем не овладели новым языком, чаще всего называют на иврите; причем привычка эта закрепляется так прочно, что многие перестают соотносить их с русскими названиями. Разница в усвоении новых названий вполне понятна. Невозможно функционировать в обществе, не оперируя названиями дней недели. С другой стороны, членение времени на годовые циклы и даже на месяцы по еврейской системе оказывается несущественным для светской части населения, а потому плохо усваивается новиками.

Что же касается сходства в системах социального времени в бывшем СССР и в Израиле, два параметра заслуживают особого внимания. И установление власти Советов в 1917 г., и создание государства Израиль в 1948 г. явились временными вехами, обозначившими нарушение преемственности политической и социальной системы. День основания нового государства стал переломным моментом в истории обеих стран. Идеологи часто пред-

ставляли эти даты как день основания нового мира и придавали им сакральное значение. Важно также отметить значение времени в иудаизме. Как и многие другие религии, иудаизм делит время на священное и мирское. Прошлое рассматривается как национальная и универсальная память, и некоторые его события считаются уникальными по своей святости. Выполнение в эти дни предписываемых религией правил становится средством отдать дань значению этих событий в жизни еврейского народа (Келлерман 1989: 76). Причем, как отмечают Хешель (1951), Зирубавель (1981) и Гольден (2002), придание датам священного характера особенно сильно выражено в диаспоре. Это объясняется тем, что в связи с отсутствием территории, символизм памятных событий не распределяется между временем и пространством, а концентрируется на времени. В СССР место религиозных праздников заняли новые советские праздники со своей постепенно сформировавшейся ритуальной традицией. Несмотря на атеистическую направленность советской идеологии, одним из ключевых прилагательных для описания праздничных дней было «священный»: священный день, священные события, священная память, и т.д. Напомним также, что именно к «красным дням календаря» было обычно приурочено выполнение индивидуальных и бригадных обязательств, которые трудящиеся были вынуждены брать на себя независимо от возможности их выполнения. Таким образом, «трудовой героизм», посвященный советским праздникам, был своеобразным жертвоприношением системе. Несмотря на то, что казенная риторика и лицемерие, сопровождавшие красные дни календаря в последние десятилетия советской власти вызывали скепсис и презрение у многих людей, переставших отождествлять себя с провозглашаемыми идеалами, в эмиграции бывшие советские люди с ностальгическим удовольствием вспоминают любимые советские праздники, а некоторые продолжают отмечать их (см. главу 2).

В нашем материале размышления о пространстве доминируют над высказываниями о времени. Нас, прежде всего, интересуют нарративы о «культурном пространстве», которое Ван Баак опре-

деляет как любое свойство пространства, имеющее антропологическое значение, а, следовательно, приобретающее семиотический характер (Ван Баак 1983: 37). Наши отношения с окружающей средой, включая пространственные отношения, систематизированы и находят выражение в семиотических кодах. За ними закрепляются утвердившиеся в языковом коллективе значения, и они приобретают функцию знаков, описывающих и регулирующих поведение личности. Эмиграция всегда связана с изменением пространства. Как утверждает географ Джон Голд, территория человека – это многоаспектное понятие, не ограниченное физиологическими потребностями, а удовлетворяющее также его личные и общественные запросы. Голд подчеркивает значение социально фиксированного членения территории, служащего для обозначения статуса, а также являющегося способом, с помощью которого личность может представить окружающим свой образ (Голд 1980: 86; ср. с Тэйлор и Визерелль, цитируемыми выше).

В главе 3 мы уже обсуждали, как влияет на эмигрантов потеря такой важной для личности территории как дом. Лотман указывает на то, что «среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление Дома (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) Антидому, «Лесному дому» (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир). Связанные с этой оппозицией архаические модели сознания обнаруживают большую устойчивость и продуктивность в последующей истории культуры» (Лотман 1997: 748). Возросшее значение дома как личной территории, убежища от вездесущего коллектива было реакцией на коммунальный образ жизни в СССР. Так же, как в свое время одним из важнейших событий в жизни советской семьи было получение отдельной квартиры, так и потеря дома и необходимость снимать квартиру у частных лиц, воспринимается эмигрантами как потеря стабильности, придает им ощущение бездомности и неприкаянности, особенно в первые месяцы пребывания в новой стране.

В восприятии пространства нашими информантами проявляется влияние нескольких культурных традиций. Начнем с категории границы, которая часто возникает в нарративах, демонстрируя связь понятийной системы рассказчиков со славянской и советской культурами. Граница у славян отделяет этот мир от загробного. Пересечение границы имеет отрицательные коннотации и часто ассоциируется с преступлением, опасностью и смертью. Многочисленные ритуалы, совершавшиеся на границе, указывают на ее роль в общественной жизни и на метафизическое восприятие жизни и смерти (Толстой 1995а: 537–540). Такое отношение к границе находим в русских народных сказках, в которых с подозрением встречают чужаков, пришедших в деревню из внешнего мира. Более того, любой, ушедший из дома и отправившийся путешествовать, а значит, перешедший границу, не может вернуться в деревню живым, а приходит домой только как призрак мертвеца, не находящего успокоения (Мойль 1989: 89). Демонизация человека, оторвавшегося от корней, ставшего путешественником, возникает и в русской прозе: антигерой, «лишний человек», он же бесприютный странник, отверженный. В советский период оседлость также являлась добродетелью настоящего, честного человека. Наоборот, «охота к перемене мест» – свойство не нашего человека (Сандомирская 2001: 93–94). Напомним также об уничижительном определении «летун», применяемом к тому, кто часто меняет место жительства и работы, и отрицательно окрашенной метафоре «перекасти поле».

Значения понятия границы для русской культуры отражены в языке. Российский лингвист Л. Лебедева, изучавшая семантические характеристики слов «граница», «грань», «предел», «черта», указывает, что среди этих изначально пространственных слов, применимых во всех случаях, когда предмет сообщения получает пространственную интерпретацию, семантика ограничения и разграничения наиболее ярко выражена в слове «граница». Граница – необходимая опора в наших психологических отношениях с пространством. Граница предполагает раздел между двумя качест-

венно различными участками пространства. Различие «свой–чужой» (за границей – на чужой земле) – это нечто большее, чем различие по признаку принадлежности, это, скорее, различие между двумя мирами, и, вероятно, оно особенно значимо для русского сознания (Лебедева 2000: 93, 95).

В советскую эпоху, особенно в период холодной войны, наблюдается сверхсосредоточенность на границе и самоопределение через границу (Дубин 2001: 154). Советская идеология представляла общество, лишенным политических и социальных конфликтов и почти беспроblemным. А если проблемы и были, необходимо было создать впечатление, что они привнесены извне. Как справедливо указывает Юлия Латынина, такой взгляд на мир требует и возведения стен, и бдительной охраны границ от внешнего мира (1995: 86). Важный компонент советской символики границы – угроза, а, значит, необходимость обеспечения собственной безопасности. Паремия «граница на замке» – воплощает семантику неприступности и непреодолимости государственной границы. Концепт границы держится на равновесии эмоций «полной безопасности» и «всепоглощающего страха» (Гусейнов 2000). Таким образом, у советского человека создавался комплекс постоянно окружающей его враждебности (Дубин 2001: 156).

В Израиле этот комплекс упрочился под влиянием почти не прекращающейся напряженности в отношениях с соседями. В русскоязычной прессе выражение «граница на замке», высмеивавшееся и в позднем советском и зарождающемся фольклоре русскоговорящих израильтян (см. Зильберг 1995: 7–8), потеряло ироничность в годы интифады. Понятие непроницаемой границы вновь становится актуальным и используется как аргумент в поддержку полного отделения от палестинцев и строительства заградительных сооружений. В качестве примера приведем два отрывка из интернет-дискуссий:

Мир возможен только с позиции силы.

1.   полный контроль НА НАШЕЙ территории.

2. НЕДОПУСК чужих на нашу территорию.

Значит нужна настоящая непроходимая граница. (Зап. Берлин, СССР, и т.д.). Бетонная стена, контрольно-следовая полоса, собаки, ток, пулеметы и т.д.

(Реалист, 05.09.2002, дискуссия «Не будет здесь мира», <http://souz.co.il>).

Вот сколько слышу, что, дескать, нет никакой возможности построить Великую Израильскую стену и оборонить наши границы, все равно не верю. И в то, что граница на замке в наших условиях миф, тоже не верю. (Иди, 20.01.2002, форум «Общество, политика и религия. Ближний Восток», <http://israland.co.il>).

Интересно, что в первом примере в качестве образцов непроницаемости выступают границы распавшегося СССР и рухнувшая Берлинская стена. Без иронии используется и аллюзия «Великая Израильская стена» во втором отрывке (в других интернет-сообщениях защитная стена называется также «чудо-забором» и «электронной Китайской стеной»). Тема границы постоянно возникает не только в дискуссиях интернет-форумов, но и в русскоязычных СМИ. Дебаты об эффективности стены, интервью с людьми, работающими на строительстве заградительных сооружений, репортажи с заставы «на краю земли» – подобные материалы регулярно появляются в прессе и являются одной из центральных тем политического дискурса. Отношение к происходящему на границе, так же, как и отношение к арабо-израильскому конфликту, стало одним из индикаторов политической позиции личности. Дубин указывает на то, что для социологии культуры семантика границы и периферии задана символом или символами центра. В самом общем смысле, генетически и исторически связанным с наиболее консервативными и архаическими пластами и значениями культуры, граница понимается как граница коллективной идентичности, отделяющая общее «мы» от столь же общего «они». Внесение границы в «центр» (самоопределение через границу, определение

своего общества, культуры, группы как пограничных) указывает на глубокую проблематичность коллективной идентификации, символический раскол или разрыв идентичности (Дубин 2001: 154).

Подобно тому, как сохранилась в иммигрантском дискурсе символика понятия границы, прежним осталось и амбивалентное отношение к эмиграции и эмигрантам. Сандомирская указывает, что русская эмиграция издавна называла себя *изгнанием*. Изгнание – важный поэтический концепт романтического мифа о бунте против власти авторитета. Изгнанник демонизируется не только в романтической поэзии, но и в русской шовинистической пропаганде. Затем он появляется в советском мифе об изменнике Родины. При чем антисемитский поворот этого мифа в советском дискурсе оказывается закономерным продолжением романтического мифа о корнях и почве, который отрицает романтический же миф индивидуального бунта (Сандомирская 2001: 93–94).

Отношение к пересечению границы в последние десятилетия СССР было противоречивым. С точки зрения официальной идеологии отъезд за границу ассоциировался с предательством родины и ее идеалов; с другой стороны, часть населения рассматривала эмиграцию как возможность избавления от тоталитарной системы и идеализировала жизнь за рубежом, ассоциируя ее преимущественно со свободой и благосостоянием. Тема эмиграции как предательства родины возникла в нескольких интервью с молодыми информантами, вспоминавших о чувстве страха и стыда, испытанном ими, когда родители объявили о своем решении уехать из СССР (см., например, рассказ Марии С., глава 2).

Напомним, что в конце 1980-х годов, когда эмиграция из страны стала неудержимо расти, широкое хождение получил изобретенный бюрократами ОВИРа в 1960-е годы термин «отъезд на ПМЖ», использовавшийся вместо «политически некорректного» слова эмиграция³. Таким образом, табу закрепилось. Даже сейчас, когда налаживание связей с диаспорой является приоритетным направлением российской политики, слова «эмигранты» и «эмиграция» редко используются в дискурсе, предпочтение отдается сравни-

тельно недавно созданным словосочетаниям «русское зарубежье», «русский мир».

По нашим наблюдениям, в среде русскоязычных израильтян слова «эмиграция» и «эмигрант» остаются табуированными. Как уже указывалось, еврейский сектор израильского общества рассматривает переселение евреев из диаспоры в Израиль как репатриацию. Сионисты видят в этом долг еврея, а люди религиозные – выполнение божественной заповеди. Напротив, эмиграция из Израиля осуждается, что отражено и в современном языке: эмиграция из Израиля – это *иерида*, спуск (ср. с объяснением значения *алия*, репатриация, восхождение, глава 2). Наши информанты, как правило, не называют себя ни репатриантами, ни иммигрантами, а предпочитают русифицированный ивритизм *олимь*. Даже рассказывая историю своей эмиграции, интервьюируемые избегали употребления этих существительных, а также однокоренных глаголов. Как уже указывалось в первой главе, они предпочитают нейтральные глаголы движения: «уехать», «приехать», «поехать», которые выступают в таких случаях в качестве эвфемизмов⁴.

Описывают информанты и сам переход границы, оставивший тяжелые воспоминания из-за конфликтов с пограничниками и таможенниками, из-за горечи последнего момента расставания с близкими.

Инна Р., 49

Мама с папой – там. Что творилось, ничего не знаю. Помню, что махали, кричали, проходили куда-то. Ну, что-то страшное, как страшный сон. Но надо, и перешла кордон. Перешла эту границу. Что? Куда? А родители – там.

София Е., 48

Наконец, разобрались с таможенницей, вымогавшей французские духи за перевес в полкило, и все, надо было идти. Я посмотрела на Насточку, стоявшую за барьером. «Сонька, так ты все-таки уезжаешь», сказала она мне, когда

мы поцеловались в последний раз. Пятясь, чтобы не терять ее из виду, я шла к вертушке. С трудом пропихнула через нее себя и дурацкие сумки, обернулась снова, но оттуда Насточку уже было не видно.

Мария С., 25

Бабушка была в состоянии стресса, мы все были в состоянии стресса. Мы не знали, что будет на таможне, родители нервничали. Во-первых, потому что везли контрабанду (Мария имеет в виду не представленные на экспертизу картины), во-вторых, потому что у папы были свои опасения. Он неприятно очень поставил себя под удар, ему угрожали. Он боялся до того момента, как мы не пересекли границу. Пересекли границу – все! Тогда это была еще граница Советского Союза. Я помню этот столбик.

Особо отметим, что все информанты, рассказывавшие о переходе границы, покинули СССР в 1990–1991 гг., когда эмигрантам казалось, что они уезжают навсегда. О том, что возвращаться и приезжать в гости могут не только именитые ученые и деятели культуры, но и рядовые эмигранты, люди еще не помышляли, и поэтому мысль о необратимости поступка тревожила многих. Повидимому, этим объясняется то, что во всех фрагментах интервью, в которых повествуется о переходе границы, она представляется как рубеж и в пространстве, и во времени – рубеж, поделивший жизнь надвое. Процесс предотъездных сборов и выполнение связанных с эмиграцией формальностей описывается в большинстве интервью как изнуряющий и во многом унижительный. Но, добравшись до долгожданного дня «отъезда за границу», эмигранты не испытывали радостных ожиданий предстоящих перемен, напротив, их переполняло чувство тревоги перед неизвестным, которая имплицитно выражена в процитированных отрывках.

При всех различиях, в восприятии пространства в СССР и в Израиле есть одно важное сходство: обе страны знают, что значит оказаться в изоляции. Советское государство испытало это после победы в гражданской войне, когда мир с недоверчивостью при-

глядывался к тому, как на обломках империи начинает возникать новый тип общества, а затем в послевоенные годы, когда страна опять оказалась отрезанной от запада железным занавесом. В Израиле же годы политического и экономического бойкота, враждебных отношений с соседями, а также травма, сохранившаяся у европейского еврейства после второй мировой войны, привели к восприятию окружающего мира как враждебного, в любой момент готового уничтожить еврейское государство.

Основное отличие в восприятии пространства в советской и израильской культуре коренится в разнице размеров территории. Как уже отмечалось в главе 3, советская идеология всегда подчеркивала значение обширных пространств. Гордость просторами воспитывалась с детства, воспевалась в поэзии и песенном творчестве. В Израиле малые размеры страны заставляют население ценить каждый квадратный километр земли. Как отмечает Келлерман, принятый за основу национальной идеологии сионизм можно рассматривать как «идеологию пространства», идеологию возврата на землю предков и ее обустройства (Келлерман 1989: 84). Эта часть израильской культуры была сразу принята выходцами из бывшего СССР. В Израиле многие из них страдают клаустрофобией и не готовы поддерживать программы урегулирования конфликта с палестинцами, если ценой могут оказаться даже самые незначительные территориальные уступки.

Пространства большие и малые, сила и беззащитность

Во всех приведенных ниже отрывках из интервью прямо или имплицитно сравниваются пространственные характеристики СССР и Израиля, причем предпочтение явно отдается стране исхода. Дихотомия двух пространств строится как противопоставление физических и символических категорий: большой–малый, близкий–далекий, центр–периферия, открытый–защищенный, сильный–слабый.

Мария Б., 16

Мария: Мне сказали, что мы едем в Израиль. Это очень маленькая страна. Я себе представляла, как, как глобус, а это маленькая точка. Я все время очень плохо думала: буду там стоять на этой такой маленькой земле. Все время боялась, что буду там стоять. Ну, а так ничего не думала.

Интервьюер: А Советский Союз ты представляла себе как большую страну?

Мария: Э-э, я просто не думала об этом (*смеется*). Я думала просто, что там негде будет нам стоять – такая маленькая точка на глобусе. Все.

София Ш., 31

То есть, как-то меня спросили: «Софа, как ты после Москвы можешь жить в таком маленьком месте?» Я сказала, что Израиль весь, по сравнению с Москвой, это ничего. Так какая, собственно говоря, разница? Я уже не дома, какая мне разница!

Игорь К., 59

(О том, что хотел уехать в Израиль во время Шестидневной войны.)

Первый раз я задумался об эмиграции в 1967 году. В 1967 году, во время этой самой войны, которая была три дня, когда я почувствовал себя евреем и думал, что мое место здесь. После этого все, к кому я приставал, говорили, какой я идиот. (...)

(Игорь решил посоветоваться с начальницей своего отдела, которую ценил и уважал).

Она мне сказала, какой я идиот, причем по полочкам. Вот потому, что я потеряю стаж, вот потому, что я буду там где-то, что-то, а самое главное, она говорит, что все равно, как бы провинция. Ты из Москвы, говорит. Ты, ты поедешь в провинцию?

(О принятии решения об эмиграции в 1990).

Игорь: И я решил, что я должен уехать.

Интервьюер: Тогда ты уже четко наметил Израиль или...

Игорь: Ни в коем, ни в коем разе. К тому времени у меня здесь родственники были.

Интервьюер: Здесь в Израиле?

Игорь: Здесь в Израиле. И я, ну, э-э разговаривал с ними и все. Получал информацию, получал все эти газеты. И провинциальность этой жизни (...) провинция (*пауза*); во-вторых, чисто масштабный фактор. Я, как тот пилот из «Эк-содуса»: «Куда я буду сажать самолет?» Куда я буду сажать самолет? Тут маленькая полоска э-э земли вдоль э-э моря.

Инна Р., 49

(сравнивая дороги и езду на машине в Ленинграде и в Хайфе)

Помню свои курсы вождения. Это тоже была еврейская группа, ну, и я там, конечно. Вот... меня – уж не помню, как туда попала. Опять же, у черта на куличках, где-то за пределами Ленинграда. (...) Э, ну, я брала, конечно, еще уроки дополнительные, и водила машину изумительно, потому что просторы были. Что ж, а тут-то мне разгона нету.

Ирина Г., 18

Интервьюер: Ира, вот за время э-э службы у тебя как-то изменилось отношение к конфликту, внутреннему вот конфликту между евреями и арабами или нет?

Ирина: Да. Он стал гораздо ближе. Я стала больше понимать, что творится. Раньше для меня это было как-то далеко. Ливан – для меня это было как-то далеко, а вот теперь Рош-ха-Никра очень близко к Ливану. И в газете недавно я видела, что все, что происходит в Ливане, очень близко к нам. Буквально несколько километров. Я даже вырвала эту страницу из газеты показать Вам, потому что мне это показалось как-то удивительно, странно.

Интервьюер: Что все это так близко?

Ирина: Да, что все это так близко. И как это все относится. Кирьят-Шмона – она просто (*пауза*) ужасно близко к Ливану. Как люди вот могут там жить и знать, что их обстреливают? И (*пауза*) мне бы приснилось это.

Александра Н., 50

Мы еще там, когда в Ленинграде, вот слушали все это, ну, все эти... Там, знаете, все иначе же воспринимается. Это здесь уже смотришь по-другому. А сейчас, когда посмотрели, это отдают, то, другое отдают. Чего тут отдавать? Тут уже земли-то, господи, страна-то крохотная. Вот. Нет такого ощущения надежности.

Во всех приведенных здесь отрывках звучит боязнь малого пространства, сковывающего свободу передвижения и угрожающего и индивиду, и государству. Можно предположить, что такой взгляд на пространство воспитан историей и стал частью генетической памяти выходцев из бывшего СССР. Во время войн XX столетия, а также после катастроф (ташкентского и армянского землетрясений, чернобыльской аварии) гражданское население эвакуировалось. Даже в самые тяжелые моменты люди надеялись оказаться в безопасности, сменив место. Опыт многих семей учил следующие поколения, что спасение зависело не столько от места, сколько от времени и быстроты реакции на опасность. В такой крохотной стране, как Израиль, понятие эвакуации оказывается нерелевантным. Впервые осознание этого у представителей волны 90-х появилось во время войны в Заливе в 1991 г., когда каждую неделю прибывали тысячи выходцев из СССР, и вместе с новыми документами получали в подарок от государства противогаз, который и использовался практически ежедневно во время иракских атак с воздуха.

В процитированных отрывках эмоциональное восприятие и страх ограниченного пространства проявляется на лексическом уровне: «боялась», «ужасно близко», «странно», «удивительно», «крохотная», а также в использовании восклицательных предложений и риторических вопросов. София Ш. с некоторым пренебрежением относится к новой стране, чьи размеры уступают ее родному городу⁵. В то время, как Ирина и Александра открыто связывают свой страх с политическим конфликтом, Инна и Игорь выражают отрицательное отношение к малому пространству, используя

литературные аллюзии. Игорь ссылается на роман Леона Юриса «Исход», а Инна перефразирует слова мачехи из пьесы Евгения Шварца «Золушка» («Эх, жалко – королевство маловато, разгуляться негде!» Шварц 1982: 517). Причем, как следует из дальнейшего, Инна имеет в виду не только тесноту дорог, но и ограниченные возможности деятельности в маленькой стране. Обратим внимание и на метафоры пространства, звучащие в словах Марии и Ирины. Когда родители сказали семилетней Марии, что они будут жить в маленькой стране, в воображении ребенка размер этот сжался до точки на глобусе. Не исключено, что девочке действительно показали глобус или карту, так как несколько наших информантов упоминали, что после принятия решения об эмиграции они доставали карту Израиля, чтобы в отсутствие каких-либо надежных сведений о стране получить представление о ее размерах и местонахождении. Ирина несколько раз повторяет слово «близко». Оказавшись физически близко к одному из очагов конфликта, к границе с Ливаном, она почувствовала, что конфликт стал ей понятней, а значит, ближе. Лингвист Е. С. Яковлева приводит много примеров того, что в различных контекстах полярные понятия «далеко–близко» приобретают абстрактное, метафорическое значение и становятся удобным средством выражения оценки и контраста (Яковлева 1994: 45).

Наши наблюдения о возникновении чувства клаустрофобии в иммигрантском сообществе подтверждаются фольклором. Приведем два примера.

А из нашего окна
Иордания видна,
А из вашего окошка
Только Сирия немножко.

– Исаак, как ты собираешься провести отпуск?
– Хочу объехать весь Израиль на велосипеде.
– Ну. Это до обеда. А после обеда что будешь делать?
(Вести-Magazine, 18 декабря 2003: 32)

Частушку – парафраз стихотворения Сергея Михалкова (1999: 6) мы услышали в 1991 г. до заключения мирных договоренностей Израиля с Иорданией. Противопоставление престижного вида из окна (Красная площадь) и непрестижного – остающаяся безымянной «улица немножко»), замещаются названиями соседних и в тот период враждебных Израилю государств. Городское пространство переосмысливается в пропорциях территории всего государства. Юмористический эффект не скрывает имплицитно выраженной угрозы.

Анекдот об отпуске сталкивает категории времени и пространства. Он также имеет литературный фон, и заставляет вспомнить гоголевскую гиперболу в описании расстояний: «Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь» (Гоголь 1968: 232).

В отличие от наших соотечественников, израильтян-старожилов не пугает малое пространство. Переводчик и литературный критик Елена Римон считает, что у ведущих израильских писателей, родившихся не в диаспоре, а в Израиле, особое ощущение пространства. В автобиографической прозе этого поколения Израиль до Шестидневной войны обычно ностальгически описывается как маленький, но уютный. И как ни парадоксально, стабильность и чувство уверенности этим людям придавали узкие границы. Когда же границы раздвинулись, спокойствию пришел конец (Римон 2004).

Больше десятилетия прошло после распада СССР, но советские клише в описании и оценке пространства продолжают жить в эмигрантском дискурсе.

Гивати: Усвойте, поселения это навсегда. Также как Тель-Авив и Ашдод. Вся страна наша от реки и до моря. И никакой, даже самый замечательный мир, даже если бы и был возможен, не стоит одного квадратного метра Земли Предков.

(Дискуссия «Не будет здесь мира», 05.09.02, <http://souz.co.il>)

Скрябин: Приезжают олимпы и селятся в большинстве своем в своих Ашдодах, Натаниях, Ашкелонах етс. Толпа приезжает неоднородная представляющая все регионы нашей бывшей и необъятной... от Таллинна до Биробиджана, ну и поселяются они все вместе в тех районах, которые называются русским гетто (Форум «Русская молодежь в Израиле», 06-01-2002, <http://souz.co.il>)

Фреди: У нас есть только этот малый клочок земли, данный нам богом. Нас нигде не ждут, ни в Европе ни в Америке. Отстоим наш дом! (Форум «Русская молодежь в Израиле», 06-02-2001, <http://souz.co.il>)

Примечательно, что парафраз слов из песни В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского «Марш о Родине», больше известной как «Широка страна моя родная», оказывается, применим не только для описания пространства «необъятного» СССР («от Таллинна до Биробиджана»), но и крохотного Израиля («Вся страна наша от реки и до моря»). Призывы же отстоять каждый квадратный метр, каждый клочок земли восходят к риторике Великой Отечественной войны, знакомой авторам интернет-сообщений по книгам и фильмам.

Борис П., 50

Интервьюер: Вы сказали, что Андрей (сын Бориса) совсем не смотрит российское телевидение, а вы? Какое телевидение вы смотрите?

Борис: Ну, чаще всего российское. Значит, э-э, но не потому, что это – родной язык, а потому что я так думаю. В-первых, это э-э, извините меня – шестая часть суши, значит...

Интервьюер: Ну, уже ведь больше не шестая (*смеется*).

Борис: Ну, хорошо, неважно, но львиная доля. Вот, и которая явно будет влиять на весь мир (*пауза*) независимо от

своего состояния. Значит, такая территория на э-э в покое не оставит весь мир, поэтому я хотел бы знать, что там творится.

Клише «шестая часть суши» остается маркером мощи. В высказывании Бориса это подчеркивается метонимией: существительное «территория» становится заместителем «страны» и «государства». Несмотря на то, что Борис признает, что его родина жалась в размерах, он не готов расстаться с мыслью о ее могуществе супердержавы. Более того, предполагая, что территориальные конфликты в бывшем СССР могут породить международные проблемы, он не высказывает осуждения, напротив, в его словах звучит нескрываемая гордость за страну, где он родился. Как и многие другие высказывания наших информантов, слова Бориса являются собой пример личных рассказов, заключенных в нарратив государства, что позволяет индивидам чувствовать себя частью славы и успехов своей страны (Тэйлор и Визерелль 1999: 39).

Лабиринты непознанного пространства

Размышления о пространстве демонстрируют попытки иммигрантов интерпретировать непонятное в новом окружении. Рассказывая о первых впечатлениях об Израиле, наши информанты создают резко противоположные образы. Одни увидели Израиль как великолепную, сказочную страну, похожую на мечту; другие, наоборот, как выжженную, неприветливую и даже враждебную по отношению к вновь прибывшим. Как показывают отрывки, цитируемые в этом разделе, восприятие новой среды как враждебной было вызвано

- неспособностью иммигрантов объясниться в общественных местах;
- потерей ориентации под воздействием незнакомой природы и непривычного архитектурного стиля.

Борис Б., 24

Интервьюер: А вот теперь ты город узнаешь, или кусочками? Местами?

Борис: Узнаю. Теперь я узнаю. Вот. Вот прошла неделя, и когда мы с Катей пошли гулять сами на Кармеле, я ей говорю: вот здесь так сейчас должно быть, хотя в первые дни вот то, что мы как раз говорили о том, что я боялся срезать дорогу, потому что мне казалось, что не попаду домой, хотя я всегда хорошо ориентируюсь на местности. И в том же месте, оказавшись через неделю второй раз, я знал, что будет дальше по пути нашего следования, и я не ошибался. Как-то оно стало всплывать. Видимо, потому что, ну, другие уже эмоции, ощущения какие-то другие.

Любовь В., 60

Интервьюер: Вы привыкли к городу?

Любовь: Ну, к городу я давно привыкла. Ну, какой город, это деревня, а не город, можно сказать.

Интервьюер: То есть вы воспринимаете, не воспринимаете *Нацерет* как город?

Любовь: Абсолютно. Вот у меня, вот я до сих пор, вот это болезненное желание пройти по большой, длинной улице, с, ну, более не менее, вот по ровной, и с высокими, с большими домами. Ну, ну, не очень большими. И вот, чтоб она была длинная и, ну, хоть чтоб на город это было похоже. И даже, когда изредка еду в Тель-Авив, когда проезжаю по этой улице, у меня, вот, душа оттаивает. Здесь нет такой улицы, здесь же совсем нет улиц, только кусочки маленькие, маленькие отрезки. Я первое время очень трудно ориентировалась, потому что они вот так вот. И боялась, что я не попаду, иду по улице – и домой не попаду. (...) Да, сейчас я уже ориентируюсь. А так, ну, это не город, конечно. У нас тут бабушка-соседка, она из Румынии, она в Хайфе жила, а сейчас она вот сюда переехала. И вот она говорит: «Боже мой, это деревня. Но в деревне, хотя бы по выходным, пляшут и поют, и разговаривают, гуляют. А здесь полная тишина. Никто не пляшет, не поет и не гуляет, все по своим домам сидят».

Владимир Я., 61

Владимир: Ну, приехал я в девяносто пятом году. В январе месяце.

Интервьюер: Откуда?

Владимир: С Кременчуга. Полтавская область. Вот. Ну, первое впечатление, конечно, как будто я попал в какую-то большую квартиру, чистую, где воздух приятный. Я попал на Нордау (пешеходная улица в Хайфе). Прошелся по Нордау, как будто бы это была квартира. Большая, длинная такая квартира. Иду, чисто, приятно. А приехал я с Киева. Там было градусов двадцать один мороза. А сюда приехал, тут было восемнадцать-девятнадцать тепла. Поэтому мне показалось, что это чистая квартира и теплая квартира. Ну, и до *Сохнута*... А остановился я в *Тальпионе*.

Интервьюер: Гостиница?

Владимир: Гостиница. И шел я от *Тальпиона* до *Сохнута* три дня. Почему я шел три дня? Кого ни спрошу – никто не знает, где *Сохнут*, то есть Министерство Абсорбции. Никто не знает.

(...)

Интервьюер: А вот как вы восприняли вообще общий облик Хайфы, ну, кроме улицы Нордау?

Владимир: Общий облик...

Интервьюер: Растения...

Владимир: Во-первых, это, общий... это как в квартире. Я смотрю: фикус растет. У нас в *ульпане*, прямо весь *ульпан* чуть ли не обсажен фикусами. Я смотрел с окна, ну, с окна у нас: это квартира. Вот. А тут оно на улице. Я искал деревья; нормальные деревья я тут искал. Нет. А потом позже, я, конечно, увидел лес.

Найти дорогу в современном городе, размеченном вывесками и указателями, несложно. Но маркировка на незнакомом языке не могла помочь нашим информантам. Борис, бывший в Израиле до эмиграции как турист, узнает улицы, по которым ходил раньше, но к своему удивлению, боится отклониться от прежнего маршрута из

страха не найти дорогу домой. Этого же долго боялась и Любовь, представляя себе город как лабиринт запутанных улочек. Даже по прошествии нескольких лет она волновалась, вспоминая о своем страхе заблудиться. Эмоции ее проявились и в повышении тона голоса, и в лексической энтропии – повторе слов и фраз. Изобилует повторами и рассказ Владимира. Образ улицы как квартиры, и, можно предположить, квартиры коммунальной, с длинным коридором, – пример смещения внутреннего и внешнего пространства. Владимир придает рассказу драматический оттенок, включая в него риторический вопрос и используя гиперболу: «шел до *Сохнута* три дня». Шесть лет спустя после описанных событий, Владимир так и не овладел ивритом. Он неправильно произносит название гостиницы, превращая *Тальпиот*, крепость, в не имеющий смысла *Тальпион*. Более того, он так и не усвоил разницу между занимающимися иммигрантами государственными структурами: *Сохнутот*, или «Еврейским Агентством» и Министерством Абсорбции. Невдомек ему и то, что не включенные в иммигрантскую жизнь прохожие не могли понять, что ищет он *Сохнут*, а не *сохнут*, так как слово это означает любое агентство, занимающееся продажей недвижимости, авиа- или театральными билетами, страхованием и т.д. (подобную ситуацию описывает Софья Е., см. глава 5). Освоение нового пространства – это приобретение сенсорного опыта. Хотя основным источником пространственных представлений является зрение, в этом процессе задействованы также слух, обоняние, и тактильное восприятие, расширяющие наши знания об окружающей среде (Голд 1980: 52).

Роза Ч., 27

Опять-таки вот такая деталь, романтическая. Мы когда сели в такси, мы приехали днем, уже после всех документов, это была зима, было темно, часов пять вечера. Знаете, пальмы, потом луна. Вот у меня первая ассоциация с Востоком была. Во всех восточных сказках луна – месяц, он лежит. Не так, как в Союзе. И звездочка горит. Вот, точно, как на всех мечетях. Была какая-то музыка, я не могу сказать,

что это была арабская музыка, но восточная музыка какая-то, потом темное небо, месяц этот, звездочка и пальмы. И вот, все, я поняла, что я нахожусь на Востоке. Говоря со своими родственниками, которые приезжали днем... тетья моя, которая неплохо жила в Союзе, у нее была ужасно уютная квартирка, они приехали перед *Песахом*, и вот она говорит, что «нас повезли по Хайфе, повезли по Хайфе, и вот, я смотрю, – эти дома серые, где-то *на Адаре*, все такое серое, подушки сушатся на балконе», и мне, говорит, «так стало грустно», и я,- говорит, – «стала плакать. Куда ж я попала? Что же я наделала?» (*смеется*). Может быть, я в силу своего возраста, как бы я не несла ответственности ни за кого, мне, наверное, было легче.

Любовь В., 60

(о первых впечатлениях)

Мы вдвоем ехали. Вот. И там, как-то, ну сами понимаете, что такое в аэропорту и ... А потом, когда выехали, ну, в аэропорту так было красиво все, и отъехали. А потом мы ехали в Петах-Тикву, нас везли к родственникам. И вот, когда выехали уже из того, из этого красивого, когда поехали, вот ну, я не знаю, видимо, это старый Тель-Авив. Вот эти развалины и висящее белье по стенам, темное, вот по этим старым домам, темное, вот везде вот сохло это белье. Причем темного цвета все, и дома какие-то серо-грязные. И вот это болтающееся, вот это белье, везде. На каждом доме. Причем оно почему-то, вот, как грязное какое-то, темное, серое, огромные простыни темные, эта одежда всякая синяя и зеленая. То есть, потом я уже это каждый день видела, но тогда... Вот меня, как тогда это все увидела, и эти жуткие развалины какие-то. Вот эти старые постройки, очень низкие, маленькие и все какое-то, ну дорога, видно, такая. Потом в Петах-Тикве уже красиво было, мне там понравилось. Но вот вся эта дорога... меня что-то схватило за горло. И до сих пор не отпускает. Это впечатление со мной живет, хотя я уже этого и не вижу.

Свои первые впечатления об Израиле Роза формирует на основе зрительной и звуковой информации. Она противопоставляет два хронотопа – экзотический, знакомый ей по сказкам привлекательный образ Востока, возникший перед ней ночью, и монотонный, бесцветный городской пейзаж, приведший в отчаяние ее родственницу. Та же неприглядная картина темного, серого и запущенного города предстает и в том, что рассказала Любовь. Развешенное вдоль стен белье – зрелище привычное в средиземноморье, например, в Неаполе или Марселе, но оно поразило многих информантов, приехавших из крупных городов, особенно из северных районов бывшего СССР. Привыкшие к нарядным городским фасадам, иммигранты восприняли это как признак бедности и беззащитное выставление напоказ неприглядного быта.

Первые впечатления связываются у многих с непривычными звуками, например частыми гудками машин и сиреной скорой помощи, с незнакомыми запахами: ароматом цветов и раскаленного асфальта, с южной растительностью, при этом особенно часто упоминаются пальмы. Тех, кто приехали в темное время суток, поразило обилие огней в городах и почти всех северян, приехавших и летом, и зимой, поразила жара.

Ольга Ш., 50+

Когда мы прилетели, меня поразило, мы ехали через Финляндию, а там уже был снег. И меня поразила жара. Такая была жара, что это просто что-то неестественное. И, конечно, дорога. Мы ехали в Хайфу. Из Тель-Авива в Хайфу. Почему-то я решила, поскольку это было ночью, что из каждого куста сейчас выскочат террористы. И вообще поразило все: светящиеся фонарики эти на дороге, указывающие, ну, все было очень свежее, очень яркое. И, конечно, производило только положительные впечатления.

Эмма Р., 56

Интервьюер: Эмочка, а вы помните свои самые первые впечатления, вот, когда вы оказались уже здесь? (...)

Эмма: Когда вышли из самолета?

Интервьюер: Да.

Эмма: Э-э впечатление парной бани. Это был сентябрь, это был *хамсин* (иврит, «юго-западный ветер, сопровождающийся повышением температуры и сухостью»). Это было обалдение полное. Эта парная баня, пальмы. И ещё. Ну, это меня, собственно, всегда потрясает, когда я возвращаюсь в Израиль, – ароматный воздух. Он необыкновенно ароматный, душистый. Ну, вот это было первое впечатление. Потом мы сели в машину э-э. Нас поразило (*пауза*) гостеприимство этого таксиста. Он нам предложил бутылку ледяной колы. Я думаю: «Боже мой! Как, что это такое? Попить и отдать, и попить» (*обе смеются*).

Осваивая новую среду и новое пространство, иммигранты ищут аналогии со знакомыми явлениями и местами. Отсюда сравнение чистой уютной улицы с квартирой, жаркой погоды с парной баней, иерусалимского пейзажа с картинами художника Иванова и т.д.

В пространственных описаниях рассказчики часто используют дейктические маркеры «здесь» и «там», «этот» и «тот». Так же как антрополог Филип Мар, изучавший недавних иммигрантов в Австралию, мы отмечаем в собранном материале резкую дихотомизацию пространства на обжитое и дружественное – «здесь» и чужое, непредсказуемое – «там». Свойства физического пространства в антитетических сравнениях служат не только основой ориентации, но и эмотивными маркерами (Мар 1998: 60). Нестабильность пространственного мира у наших информантов проявляется в смешении дейктических маркеров близости и отдаленности. Дейксис представляет собой семиотический процесс, позволяющий установить пространственно-временные различия разных взглядов на ситуацию (Ван Баак 1983: 52). В представлениях человека пространство структурировано вокруг него. Мы помещаем себя в центре микро- и макрокосмоса (Гак 2000: 127). Этой особенностью познавательной деятельности объясняется сходство между мифическим и перцептивным пространством. Кассирер постулирует, что нельзя ни отделить положение в пространстве от содержания гео-

метрического пространства, ни противопоставить их. Каждый индивид наполняет пространство чувственными или интуитивными смыслами (Кассирер 1955: 84).

Как уже было указано, в проанализированных интервью мы часто сталкиваемся с противопоставлением «этот» и «тот», «здесь» и «там», причем во многих случаях референтами «здесь» и «этот» оказывается не Израиль, а бывший СССР.

Елена Н., 26

(О решении эмигрировать из Узбекистана)

Тогда мы поняли, что стоим гораздо большего, в принципе, но здесь (*здесь и далее подчеркнуто нами. – Л.Ф. и М.Е.*) мы не сможем ничего добиться.

Мария П., 24

Я закончила школу, и, вроде была какая-то пустота, потому что я не пошла учиться, но, вот, эта жизнь какая-то такая полуподпольная, все-таки, еврейская, она была жутко замечательна. Во-первых, я стала ходить на все концерты еврейские, все, что было, только-только все начиналось, буквально. Тогда это было еще как глоток свободы. Вот, здесь, в Москве, прямо. То из Америки, то из Израиля.

Гаяне А., 77

(О первых днях семьи сына в Израиле)

...они попали в кибуц. Было одно интервью, второе. Потом попросили привести детей показать, и после этого их приняли в этот кибуц. Приехали они туда абсолютно без вещей, потому что уезжали они отсюда, из Советского Союза (*пауза*) трагически.

Юлия Х.

(О приятеле дочери)

Он отсюда, из Ленинграда, мальчик.

Эсфирь Я., 35

Я хотела начать с того, почему я вообще здесь оказалась. Дело в том, что вопрос «эмигрировать или нет» не стоял никогда. Я всегда знала, что в России я жить не буду, потому что страна, которая мне чужая. Притом, что культура безумно близка всегда мне будет, я надеюсь, что она будет близка и моему ребенку. Но эта страна была для меня чужая, я себя чувствовала всегда чужой. (...) Все ехали в Америку, чего там говорить. И, когда мы должны были сюда уже уезжать, то есть опять же вопрос об Израиле не стоял никогда. Да, это было однозначно. Потому что ехали все, то есть я ехала куда-то, я ехала откуда-то. Я ехала ОТТУДА. На самом деле в Европу невозможно было уехать, а о других путях я как-то не думала, знала, что вот в Канаду, может, неплохо, но вроде как непонятно как. (...) И мы стали оформлять документы, мы быстренько их оформили. Мы получили те самые визы, которые после нас люди не получили. Значит, мы были одни из последних, которые могли уехать в Америку. Когда мы пошли покупать билеты, я увидела этих людей, которые сидят и трясутся, говорят: «Вот, нам закрывают въезд в Америку, вот Америка нас не хочет». Остался вопрос: «А почему меня, собственно, где-то могут не хотеть? И не нужно мне туда, где меня не хотят». В этот момент я стала задавать себе вопросы, которые я раньше не задавала. Потому что у меня была одна мечта: оттуда уехать. Когда, наконец, у этой мечты появилась возможность осуществления, я задала себе конкретный вопрос: «Что на что я меняю, собственно говоря?» И за неделю до отъезда мы решили, то есть я решила для себя, что я в Америку не хочу категорически, что это черное пятно для меня на карте и что я почувствовала, что мне туда просто не надо, как будто что-то меня не пускает, что-то изнутри. И я решила, что я поеду в Израиль, в конце концов, я хоть знаю, для чего я еду в Израиль, и я могу себе четко объяснить. Для чего я еду в Америку, объяснить я себе не могу. Поэтому мы приехали сюда.

Дейктический маркер «здесь», выступающий как референт страны исхода в первых четырех отрывках, указывает на то, что

родина все еще представляется рассказчицам близкой в пространстве и во времени. Они полностью включены в описываемые события, и само нарушение дейктической маркировки становится средством выражения эмоций и отношений к описываемым событиям. Последний отрывок, рассказ Эсфири, структурирован как противопоставление метафорических категорий близкого и далекого. Эсфирь предана Израилю, и воспринимает его как «здесь», место, в котором она чувствует себя комфортно. Россия тоже обозначена как «здесь», когда речь идет о ее культуре, глубоко почитаемой рассказчицей. Но, поведав, что всегда чувствовала себя чужаком в «этой» стране, Эсфирь сдвигает ось координат и говорит, что всегда хотела эмигрировать, уехать «оттуда». «Здесь» становится страной иммиграции, но не имеет конкретного референта: это не Израиль, но и не Америка, потому что рассказчица не считает иммиграцию в Америку оправданной, ей «туда не надо». И только подводя итог своим метаниям, она снова приближает Израиль и, противопоставляя его Америке, говорит о приезде «сюда». Кроме многократного противопоставления дейктических маркеров, обращает на себя внимание и парафраз фразеологизма «черное пятно на карте». В узуальном значении фразеологизма «белое пятно» отсутствует оценочный компонент, но антитетическая замена «белого» на «черный» придает описанию Америки окказиональную отрицательную оценку.

Помимо смешения дейктических маркеров, описания малого пространства в терминах принятых для обширного, дестабилизация пространственных представлений проявляется в смешении атрибутов внешнего и внутреннего, а также личного и общественного пространства. Напомним рассказ Владимира Я., представившего улицу как коридор чистой уютной квартиры. Подобные метаморфозы испытала и Екатерина Б. Поначалу она приняла жилые дома за пансионаты. Известно, что в СССР с пансионатами и санаториями ассоциировался высокий уровень жизни. Удивило ее и обширное пространство, но в отличие от других информантов,

внутреннее пространство жилища занимало ее гораздо больше внешнего.

Екатерина Б., 23.

Екатерина: Когда я думала, в общем, об Израиле, я никогда не была за границей, поэтому у меня совсем по-другому, наверное, чем у других людей, по той причине, что для меня – это была какая-то сказка. Какой-то рай. (...) Вначале я восприняла это как курортный городок возле моря. Вот. С какими-то пансионатами, совсем не похожими на нормальные квартиры, и, в общем, все такое большое-большое пространство и совсем непонятно для меня было.

Екатерина: Ну, вот, мне казалось, во-первых, что это, ну не знаю, что это действительно очень святая земля, как мне казалось, вот, как самое большое, самая такая мысль, которая у меня была, это то, что говорят, что «если ты поедешь в Израиль и не станешь ближе как бы в мозгах, к богу, то ты уже никогда не станешь верующим человеком». То есть для меня Израиль – это было что-то очень религиозное, что-то в таком плане, и со множеством..., а просто Борис мне рассказывал, поэтому со множеством супермаркетов там, где все есть, миллион и очень много всего, просто какой-то, не знаю, очень, ну вот именно, как молочные реки (*обе смеются*). Вот так вот. А так больше... Не знаю, мне казалось, что здесь пустыня, нет деревьев, и вот, настраивалась на самое плохое (*смеется*).

Интервьюер: Но деревья ты увидела.

Екатерина: Да, я увидела. Мне было очень..., ну, то есть для меня очень важно и... Но самое смешное, что все эти фикусы, которые здесь растут как деревья, у меня были любимыми цветами в горшках дома. И сейчас я уже не знаю, что мне выращивать.

Интервьюер: Может быть сирень?

Екатерина: Может быть... сирень. Не знаю.

Как и многие другие информанты, Екатерина растерялась, увидев субтропическую и тропическую растительность на городских

улицах, во дворах и вдоль дорог. Развесистые фикусы, бывшие ее гордостью в Киеве, больше не интересуют Екатерину, так как не престижно выращивать то, что в изобилии произрастает повсюду. Еще не успев привыкнуть к израильскому климату, она не оценила предложение интервьюера выращивать сирень, которая могла бы быть в Израиле такой же диковинкой, как фикус в Киеве.

Не только флора, но и фауна вызывала у вновь прибывших эмоциональную реакцию. Борьба с незнакомыми насекомыми и пресмыкающимися, проникающими в жилище, описана в фольклоре иммигрантов из разных стран (см., например, личные рассказы польских евреев, Бар-Ицхак 1998: 195–199). Присутствует эта тема и в русской литературе Израиля: «Квартиру захватывают враждебные твари, делающие ее непригодной для жилья: скорпионы и тараканы, злобные кошки и прочие заместители тех «лисы, и филина, и ежа», которые, сообразно еврейскому проклятию некогда заселили опустевшую землю Израиля» (Вайскопф 2001: 247.) В наших дневниках есть несколько записей рассказов об оккупировавших квартиры насекомых, ящерицах и змеях. Один рассказ прозвучал и в интервью:

Мария С., 25 (ИАФР 21756)

И вот через четыре месяца я писала психотест⁶. Еще у меня была травма, когда я увидела в первый раз большого таракана, которого они здесь называют *джук*. Когда я увидела его первый раз в комнате, я была в шоке. Это было ужасно. Один красочный эпизод. В 12 часов я ложусь спать. В полпервого на лестничной площадке раздается страшный грохот. Кто-то лупит в чью-то *пладелет* (иврит, «металлическая дверь»), доносятся жуткие крики: «Выключите сейчас же свой *мазган* (иврит, «кондиционер»), мы на вас в суд подадим!». Я не понимала, к кому это было обращено. У нас, вроде, *мазгана* не было, но тоже было неприятно. Не дали поспать. Потом я вижу, как что-то ползет. Я вскакиваю. Был *хамсин*. Окна все были открыты. Я не знала, что они прилетают с *хамсином*, что нужно закрывать сетки на окнах. И вот был *хамсин*. Ползет нечто вдоль плинтуса. Я в ужасе зажи-

гаю свет: таракан ползет по плинтусу. Я... за диваном беру велосипедный насос. Как мне его достать, я вообще не знаю, как мне его придавить. Я обнаружила, что, если по ним бить тапком, они вообще не реагируют. Для меня это был такой удар. Я так спокойно общалась в Москве с тараканами. Я имела с ними дело, с армиями. Я заходила в час ночи на кухню с полиэтиленовым пакетом на голове и размазывала их по всем стенкам. Полиэтиленовый пакет, потому что они падали на голову. У нас был старый дом. Все морили тараканов. Они бежали к нам, а мы морить не могли. Так что у нас было сборище этого сброда в квартире всегда. И я к ним очень спокойно всегда относилась. Я могу их руками лупить. Потом я уже свыклась и с этими. Когда я жила в общежитии в Кирьят-Яме (пригород Хайфы), в 12 ночи я прихожу к себе домой, открываю дверь, пятерых убиваю, остальные сами разбегаются. Там они путешествовали спокойно довольно из комнаты в комнату. Двадцать комнат в общежитии было для студентов, в остальных жили эфиопские семьи. Общежития были шестизэтажные. Правда, в какой-то момент это дошло до критической массы, их стали морить, и тогда все было покрыто ровным слоем тараканов. На кухне они лежали даже в несколько слоев. Итак, в ночь перед психотестом, я в первый раз увидела такого таракана. Я не знаю, как с ними сражаться. Я беру велосипедный насос. Забегаю с одной стороны дивана – он бежит в другую. Я его опережаю, он – обратно. Так я его гоняла, но он меня загонял. Я уже готова. Но, наконец, я сообразила его прижать к плинтусу пачкой с тетрадями, которая лежала под диваном. Я еще потом долго не знала, мертвый он или живой. Несколько раз долбала эту пачку. Потом пыталась удостовериться, мертв он или жив. Я его ужасно боялась даже мертвого. Я долго смотрела на него, не шевелится ли он. Потом я его расчленила и по частям препроводила его в мусорное ведро. Это было сделано из соображений моей же безопасности. Чтобы он не ожил. В общем, неприятно. И я улеглась обратно спать. Был уже третий час ночи. Но вскоре появились еще двое. Они носились по салону друг за другом. Они носились друг за другом, и к ним присоединилась я. Я жила

в салоне. Главное, все спали в своих комнатах спокойно. Я одна мучилась в салоне. Я стала гоняться за ними. Я их би-ла-била. Наконец, они заползли под какую-то хреньку. Поднимаю хреньку – их нет. Вот таинственное исчезновение этих двоих заставило меня долго-долго ломать голову. Так я и не пришла ни к чему. Я улеглась спать. Через каждые пять минут я вскакивала, и осматривала окрестности, не появился ли кто-то еще. Так я дождалась утра и поехала на психотест.

В полуторачасовом интервью Мария рассказала много историй, полных пафоса и гипербол. В этом рассказе тараканы предстают как враги, преследующие Марию, где бы она ни жила. Относительно безобидные насекомые, с которыми она запросто справлялась в московской квартире, на новом месте демонизируются и превращаются в захватчиков ее личной территории, не поддающихся привычным способам борьбы с ними. Очевидно, что Марии доставляет удовольствие подробное изложение своих отношений с тараканами и битв, которые она вела против них. Она смакует детали погони, убийства и победы. Одновременно с этим рассказ используется и как объяснение неудачи на экзамене, упоминанием о котором начинается и заканчивается нарратив. Постепенное приручение насекомых, а затем и полное их истребление становится для Марии частью обживания нового пространства: тараканы еще долго были ее соседями по общежитию, но борьба с этими «армиями» постепенно превращается в рутину и больше не беспокоит ее.

А теперь снова вернемся к процитированному ранее отрывку из интервью Екатерины Б. Описывая сумбурные ожидания и впечатления об Израиле, она объясняет свое смятение тем, что до приезда в Израиль никогда не выезжала за пределы СНГ. О том, что первый выезд за границу явился для них сильным потрясением, говорили многие информанты. Их представления о мире сводились к информации, почерпнутой из СМИ, фильмов, книг и досуговых разговоров о «загранице». Так, Владислав В., 29, говорит: «И в

принципе, определенную информацию о загранице мы не знали, потому что никогда не выезжали туда. Поэтому трудно было представить, что там делается. Казалось, что там все, так сказать, ну, не то, что манна с небес падает, но все довольно благополучно, и все прочее». Несмотря на почти полное отсутствие информации об Израиле, многие иммигранты, особенно в конце 80-х и в начале 90-х надеялись, что им откроется благосостояние и благополучие «заграничной жизни». Напомним, что «заграница нам поможет» – метонимия, вложенная И. Ильфом и Е. Петровым в уста Остапа Бендера, прочно вошла в речь и сознание советского человека, поделив мир на *нас* и всех остальных. Екатерина одновременно и боится расставания с домом и ожидает увидеть «сказку», которая в этом контексте становится синонимом «рая». Еще одна информантка, Ася Ш., 56, вспоминает, что весьма ограниченные сведения об Израиле, полученные ее семьей до эмиграции, были почерпнуты из писем, в которых Израиль описывался как «рай земной». Отметим при этом, что те, кто сомневались в экономическом процветании Израиля, отказывали ему в статусе настоящей «заграницы». Именно в связи с этим в конце 1980-х шуточная паремия «Курица не птица, Болгария не заграница» была перефразирована, и Болгарию заменили Израилем. Пытаясь представить Израиль, Екатерина мобилизует фрагментарные знания Библии, народные представления о стране изобилия, а также слухи о всеобщей доступности потребительских товаров за пределами СНГ. Тема изобилия, в особенности изобилия продуктов питания, встречается в фольклоре разных народов и связана с образами царства мертвых. Эти образы переплетаются со сказочным царством и с раем. Владимир Пропп подчеркивает, что изменения реального мира влекут за собой и изменения образов царства мертвых. Вместе с тем, появление новых мотивов не мешает существованию старых (Пропп 1986: 287–296). Так, скатерть-самобранка уступает место ломящимся от продуктов супермаркетам, а рай заменяется санаторием, но образы и традиционного, и современного фольклора относятся к тому же архетипу. Эта тенденция была отмечена

и проанализирована в исследованиях Елены Хельберг-Хён и Андрея Мороза. Хельберг-Хён указывает на то, что советская тоталитарная мифология унаследовала из традиционной русской мифологии миф о сильном правителе и о рае, преобразовав его в утопию идеального общества (Хельберг-Хён 2000: 18). Добавим, что при этом образы власти и рая уравнивают и дополняют друг друга. В ходе полевой работы в деревнях на севере России фольклорист Андрей Мороз обнаружил, что его информанты представляют себе жизнь в раю, как жизнь на курорте (Мороз 2000: 249). Екатерина, как и другие информанты, чьи первые впечатления об Израиле были радужными, сравнивает увиденное с черноморским курортом. Однако образы молочных рек и курорта не могли подавить в Екатерине страх перед неизвестным, и олицетворением этих страхов становится пустыня. Именно пустыня выступает в собранном нами материале как наиболее частотный отрицательный пространственный образ.

Пейзажи: топофилия и топофобия⁷

Отношение к природе и пейзажам меняется на протяжении истории человека, по-разному оцениваются они и в разных культурах. Озабоченность современного человека экологическими проблемами и желание сохранить природу в том виде, в котором она досталась нашим недавним предкам, повлияли на растущее символическое значение пейзажей. По мере усиления глобализации усиливается и желание человека противостоять гомогенизации и сохранить самобытность природы различных регионов (Доджшон 1998: 117). В личных рассказах эмигрантов прослеживается тенденция к идеализации пейзажей страны исхода. Оценивая городские и сельские пейзажи Израиля, наши информанты постоянно сравнивают их с родными местами, а также опираются на знания географии, литературы и искусства. Причем последние часто приводят их.

Элла В., 69 (ИАФР 22113)

Элла: Мы только знали одну вещь: наш старший сын, который уехал два месяца назад, на два месяца раньше, он прошел по конкурсу в Эйлатский вновь созданный оркестр. Мы понимали, мы знали, что музыканту найти работу в Израиле – это все равно, что выиграть золотой приз. И-и за две недели до нашего отъезда э-э он нам позвонил и сказал: «Мама, езжайте в Эйлат». А что такое Эйлат? Э-э, ну так как разговор телефонный был дорогой из Израиля, то мы положили трубку и в час ночи стали искать на карте Эйлат ... Мы э, значит, к двум часам ночи мы нашли Беер Шеву, мы нашли Димону. Мы нашли севернее Кфар Сабу, где моя сестра с племянником, где родня. Мы нашли, пожалуй, все. Мы только не нашли (*пауза*) Эйлат. Потому что дальше Димоны, южнее, начинался Негев – мы прочитали.

Интервьюер: А вы туда не смотрели.

Элла: А Негев – нет жизни. Пустыня – это, э, это исключено. Все. Дальше взгляд не опускался. И только где-то в 4 утра меня растолкал младший сын и говорит: «Я нашел! Идем». (*смеется*) И подвел меня к карте Израиля, которая у нас висела в спальне. Вот. И показал Эйлат. И вот тогда-то, конечно, вот взял испуг большой, потому что это через весь Негев. Это видели. Единственное, что там э, меня успокоило немножко, это э-э, еврейская (*пауза*) щедрость, скажем так. Эйлат был закрашен такой темно-зеленой краской, что я сразу поняла: это зеленое место на берегу моря (*пауза*) Красного. Это – Эйлатский залив – ехать можно. (...) И когда в Бен-Гурионе мы, мы сказали, что мы едем в Эйлат, а надо же такси тогда, то люди как-то на нас посматривали странно. Это была ночь, ночь 25 июня, с 24 на 25 июня. Было очень жарко, очень жарко. И один в ермолке, с пейсами, еврей сказал: «Вы знаете, куда вы едете? Ведь там очень жарко. Возьмите побольше воды». Вот тут немножко, значит, защемило сердце, потому что больше воды – ясно стало, что условия – не лучшие. Во-от. Ну, в общем, мы ехали в Эйлат. И-и так как освещения не было, никаких пунктов по пути освещенных не было, то я, зрительно представляя гео-

графическую карту, в которой я не очень сильна, я искала пирамиды Хеопса (*обе смеются*). Я поняла, что попала в Африку. Они такие высокие, почему я их не вижу? Вот. Когда приехали в Эйлат – это было в 7 утра, народу было немного. Это был первый шок, потому что город был одноэтажный, низкорослый. Я сразу сказала: «Боже, мы попали в какой-то Татарстан». Потому что для меня Татария связана с Евпаторией... Это когда-то татарин рассказывал, и-и такие низкие плоские строения. Вот это мы увидели.

Как видим, нередко отсутствовали не только знания об истории и культуре Израиля, но и представления о его географическом положении и природе. Многие информанты упоминали, что, уже решив эмигрировать, начинали искать Израиль на карте. Не только Элла ошибочно поместила реликвию египтян, пирамиду Хеопса, на территорию Израиля в пустыню Негев, другие информанты также рассказывали о географических курьезах во время первого знакомства со страной. Например, муж Эллы, Моисей В., вспоминает, как он успокаивал ее, когда стало ясно, что жить им придется в Эйлате:

Моисей В., 74 (ИАФР 22115)

Он (сын) нам позвонил, что «приезжайте в Эйлат». А где Эйлат, мы понятия, естественно, не имели. Мы взяли карту, посмотрели. Конечно, нам стало нехорошо: где-то на краю света, где-то там. Я говорю: «Элла, ну, что делать?» Она: «Да это же, это ведь надо через пустыню ехать». И так далее. Я говорю: «Ну, а что делать? Есть же в России Сахара и так далее. Будем ехать». Вот.

Трудно предположить, что Элла и Моисей, люди с высшим образованием, много читающие, и в пожилом возрасте не утратившие любознательности, настолько не сведущи в географии, как следует из этих отрывков. Скорее, сказалась тревога перед предстоящим путешествием. Эти эпизоды еще раз подтверждают по-

ложение о том, что незнакомое пространство вызывает растерянность и страх.

В рассказе Эллы, так же, как и в нарративах многих других информантов, свойства израильского климата, в особенности жара, превращаются в маркеры пространства: зной рождает ассоциации с Африкой. А, приехав в Эйлат, Элла ищет аналогии с городами на родине, но выбирает Татарстан, знакомый ей лишь по рассказам. Выбор этот не случаен. Татарстан ассоциируется у нее с провинциальностью, неухоженностью, с архитектурой, далекой от европейского города. Пытаясь «декодировать» новое для нее пространство, Элла использует универсальный маркер, понятный людям, воспитанным в разных культурах и говорящим на разных языках (африканская жара), и местный маркер, доступный носителям одной культуры, живущим в определенный период времени (Левфевр 1991: 17). Обратим внимание на то, что для семьи из центральной России пустыня является символом границы между жизнью и смертью. При изучении карты единственным утешением Эллы стал зеленый цвет района около Красного моря. Охваченная волнением, она забыла, что зеленой краской обозначаются низины. Не только Элла, но и другие информанты выжженный пейзаж пустыни ассоциируют с отсутствием жизни, а зеленый цвет – с обилием растительности и свежестью.

Ева Ф., 40

(о первых впечатлениях)

Поехали мы э-э через полстраны в Хайфу. Родители были уже в Хайфе и (*пауза*) что поразило – поразило пейзаж, конечно. Июнь месяц (*пауза*), сплошная пустыня, все (*пауза*), все горит. Вдруг (*пауза*) растительность, потом опять пустыня, потом опять растительность, потом эта Нетания с ее огромными зданиями, потом опять кусок пустыни, электростанция. То есть поразила, по сравнению с Украиной или даже с Ленинградом, где я жила, то есть поразили вот эти контрасты зелени яркой на ровной, на пустыне вот э-э-э

возле Нетании, возле Кейсарии на песке вдруг пролесок, а потом опять песок. То есть, как оно тут вообще растет?

Пустыня возникает в интервью не только при описании израильских пейзажей, но и как образ одиночества и пустоты.

Инна Х., 52

(О выборе страны иммиграции)

К немцам? Никогда! Так же, как звук немецкого языка – вот тоже совершенно необъяснимое чувство – вызывал у меня всегда, вот, рвотную реакцию. Я бы не стала его учить. Глупость какая-то, предрассудки. Это не на уровне сознания, а подсознания. Америка – это огромная пустыня, в которой ... тут у меня один знакомый, второй знакомый, ну какой-никакой... страна маленькая, в разных городах. Так я хоть трубку подниму, с ним поговорю, а там же я – ваще! «Ну, у тебя же английский!» Ну что мне ваш язык?! Все равно я приезжаю как... вот все, что я опять же прочитала, там 25 сорта. С чего я должна начать? То ли Бог знает чем, с Бог знает кем и – ПУСТЫНЯ! А главное, вот эта огромная страна, и я в ней, вот эта пустыня. Мне в ней не пробиться никак, и поэтому таких мыслей и не было.

Борис Б., 24

(сравнивая свои впечатления от туристической поездки в Израиль с первыми впечатлениями иммигранта)

Я думаю, что я представлял. Но, хотя при этом трудно вспоминал все, э-э, если первые годы после того, как я здесь был, я помнил эту страну, это было для меня неизгладимое впечатление, то как раз, когда надо было ехать, у меня, там я просыпался ночами и представлял себе, например, Хайфу, как, практически, пустыню, где нет зелени, где нет ничего, и, то есть, вот те все впечатления, они полностью у меня стерлись. Я ехал как в первый раз.

Анатолий П., 26

И вот мы прилетаем сюда. А здесь пока пустырь. Ну, в плане (пауза) духовный пустырь, потому что ты приезжа-

ешь, и у тебя ничего. Ну, там адрес человека в Иерусалиме одного или телефон только. Ну, в общем, состояние такое, и сумбурное, и жарко очень – август.

«Пустыня», «духовный пустырь» – это тот вакуум, отсутствие дружеского общения, которого опасались наши соотечественники, отправляясь в эмиграцию, даже в тех случаях, когда по тому же маршруту уже отправились и родственники, и друзья, или, по крайней мере, знакомые. Отрицательный образ пустыни, символизирующий сухость, изоляцию и отчаяние, описан в литературе по психологии, посвященной пейзажам, появляющимся в снах. В рассказах о снах пустынный пейзаж получает самую низкую оценку у испытуемых разных возрастов. Напротив, пейзажи, ассоциируемые с плодородием, являются символами надежды и обновления (Стивенс 1995: 268).

Образ пустыни имеет большое значение для израильской литературы. Но его восприятие израильянами-старожилами резко отличается от того, что мы наблюдаем у недавних иммигрантов. Так писатель Алеф-Бет Иехошуа рассуждает о пустыне в контексте как древней истории еврейского народа, так и современной политической ситуации:

Мне кажется, что пустыня может помочь еврейскому государству излечиться. Время от времени нам необходимо возвращаться в пустыню. Там пространство, которое мы можем считать своим, там мы ни у кого не отбираем землю. В пустыне достаточно места для всего еврейского народа, да и половина территории Израиля занята пустыней. Если мы не придем в пустыню, если не бросим ей вызов, если не найдем способов существования в пустыне, нас всегда будет мучить пограничный конфликт: здесь – территория Западного Берега, а здесь уже не Западный Берег, этот дом в Силвуне в Израиле, а этот силвунский дом по ту сторону границы? Так мы и останемся в тисках знакомой проблемы смешения народов (из бесед с литературоведом Горном; Горн 1997: 130).

Топофилия и топофобия в восприятии природы в значительной степени зависят от того, где наши информанты жили до эмиграции. В некоторых исследованиях, проведенных географами, этнографами и социологами, указывается, что отношение к природе зависит от места происхождения этнической группы (Лебедева 1993: 82–101). Однако наш материал не дает таких примеров. Во всех интервью, где рассуждают о сельских и городских пейзажах, место, где человек родился и вырос, остается основой для сравнения, а часто и идеалом⁸.

София Ф., 27

Э-э, прежде всего, когда я приехала, я была в шоке от того, что (*пауза*) от того, куда я приехала. Поскольку я приехала из Киева в Кирьят-Ям, и Кирьят-Ям выглядел очень плохо по сравнению с Киевом. (...) Я, я помню, например, такие первые впечатления – это то, что я увидела пальму (*смеется*). Э-э, то, что мы поселились на море... Тоже мы там раз в пять лет, раз в десять лет ездили на море из Киева, а тут море рядом. Тоже было интересно. Но при этом в море я как-то очень быстро разочаровалась.

Лилия В., 22

Интервьюер: А вы думаете, что Вам захочется во Львов, если там не будет мамы?

Лилия: Думаю, что да. Хотя бы приехать на два дня и погулять по городу – ничего больше не надо.

Интервьюер: Значит, у Вас есть потребность пройтись по улицам и посмотреть на дома, потрогать дома?

Лилия: Посмотреть. Попасть под дождь львовский. Здесь не бывает таких дождей, как там (*пауза*), моросящий, противный осенний дождь.

(...)

Интервьюер: Скажите, а как Вам после четырёх лет в Израиле пальмы?

Лилия: Нормально, пальмы...

Интервьюер: Они Вас больше не удивляют?

Лилия: Нет... Только цвет. Цвет всей страны, он такой блеклый немножко.

Интервьюер: То есть Вам не хватает какого цвета?

Лилия: Зелёного. Там же очень яркий, очень насыщенный зелёный цвет, особенно у молодой зелени, молодой травы, молодых деревьев. Израильтяне, когда смотрят фотографии, говорят: «Это картинка?»

Интервьюер: А, да? Я никогда такого не слышала.

Лилия: У меня есть фотографии, например, на фоне леса, зелёной травки. Израильтяне: «А это на фоне картины?»

Анастасия Н., 61

Анастасия: Вот мы были на романтической немецкой улице, вот *Романтишештрассе*, немецкая дорога. С братом ездили на машине. Там просто, вот, останавливаешься или едешь, вот, мимо этих домиков, такое впечатление, что они игрушечные. Они расписанные, просто картины. А такие... Мы приехали, там были альпийские луга эти. То, что я не видела вообще годы, десятилетия. Даже в Харькове уже таких лугов нет. Вот на Урале были такие луга. Все-таки это, я в Нижнем Тагиле же росла. И вот обычные полевые цветы; такой длинный-длинный луг, ярко-зеленый. И такая яркая зелень! Хвойные леса, синее небо, которого здесь никогда не бывает. Ну, я не знаю, синее бывает, но очень редко. (....)

Интервьюер: А вообще как вы представляли себе Израиль? Когда приехали, вы удивились? А что вы ожидали увидеть?

Анастасия: Я никак, я ничего не ожидала. То есть я, вообще не представляла Израиль, понять я не могла. Брат писал, что это по характеру своему, по типу климата, что ли, напоминает или южный берег Крыма, или Сочи, как-то вот так. Вот. Ну, вот, все было чужое. Все чужое и все не такое, как я люблю. Мне, скажем, Ленинград всегда нравился больше Москвы. В Москве, сейчас это уже современный город, а тогда, когда еще первые годы, когда я когда-то была,

это был, ну все-таки, ну, не вполне европейский город. Были там всякие какие-то здания, не характерные, вот, скажем, для Ленинграда. Ну, поэтому, когда мы впервые выехали во Францию, я вышла на улицу и увидела, ну, почти Ленинград. Ну, ощущение было, как будто я в Ленинград приехала. И вообще домой. А здесь, вот, эти жуткие совершенно крыши, как все отплывающие пароходы с трубами белыми. Крыши плоские, уходящие куда-то за горизонт. И серые дома. Серые дома, крыши, серые дома, крыши. И такие грязные, даже те дома, которые мне понравились потом, облицованные, арабские, они тогда были какие-то грязные, серые. Или я уже привыкла, может быть. Жуткое количество развалин, особенно, когда мы ехали через... там автобус, где мы жили, в ту *шхуну* (русифицированный иврит, «микрорайон»), вот район, где мы жили; автобус с *шука* (русифицированный иврит, «рынок») шел через старую *шхуну*. Сейчас ее уже разобрали, разрушили, потому что вроде как прошло то время, когда нельзя было разрушать те развалины, брошенные арабами.⁹ В общем, лучше всего я себя чувствовала в автобусе. Я сказала: «Это мой дом».

Все три рассказчицы тоскуют по любимым пейзажам родных мест. Все кажется им привлекательным, даже «противный осенний дождь» и даже «альпийские луга» в окрестностях Нижнего Тагила – города, печально известного экологическими проблемами. Во многих интервью привлекательные и отталкивающие пейзажи связываются с определенными красками. Кажется странным, что Анастасия скучает по синему небу в Израиле, где оно редко затянуто тучами. Так же как Лилия и Анастасия, многие информанты жалуются на недостаток зелени и на чрезмерное обилие желтого цвета в сельском пейзаже и серого в городском. Можно предположить, что отрицательное восприятие этих цветов коренится в русской культурной традиции. Напомним, например, что в прозе Ф.М. Достоевского, А. Белого и в поэзии А. Блока желтый цвет ассоциируется с болезнью и безумием. На этих оценочных коннотациях основано и метафорическое название психиатрической больницы –

«желтый дом». Серый цвет ассоциируется с чем-либо мрачным, некрасивым, а также неинтересным, посредственным, безликим. Именно эти коннотации были актуализированы в разговорном презрительном обозначении сотрудников КГБ «люди в серых шляпах», а также в пренебрежительных жаргонных полисемантических словах, например, «серяк» – шинель, солдат, молодой заключенный (Мокиенко и Никитина 2001: 535)¹⁰.

Серые дома ассоциируются у Анастасии с городской грязью и неухоженностью. Устойчивость этих ассоциаций проявляется в том, что в относительно коротком фрагменте слово «серый» повторяется четыре раза, усиливая экспрессивность высказывания. Анастасия противопоставляет израильские города европейским, и эталоном городской красоты выступает Ленинград. Красиво все, что похоже на Ленинград, и впечатление от Парижа, в котором мечтала побывать Анастасия, определяется его сходством с любимым российским городом. Надо отметить, что Петербург (а в речи большинства наших информантов, уехавших до последнего переименования города, он так и остается Ленинградом) упоминается как символ городской красоты во многих интервью. Можно считать, что Петербург принадлежит к числу городов, чей образ заряжен символическим значением. Самые известные из них – Париж, Иерусалим, Рим и Нью-Йорк (Голд 1980: 127). Города-символы не обязательно отличаются красотой и архитектурным совершенством, но их образ стабилен, регулярно воспроизводится и поддерживается и его создателями, и теми, кто попадает в их пространство, и даже теми, кто никогда не бывал в них.

Анна Н., 59

Нас даже в *ульпане* спрашивает учительница:

– «Афула красивый город?»

А у нас почти все из разных городов России, там...

– «Да, красивый».

– «Как, это же не Ленинград!»

Аура мистицизма и престижа сохраняется за Ленинградом–Петербургом и в эмигрантской среде. В нашем материале он часто противопоставляется провинциальным городам, независимо от того, где они находятся.

В приведенном выше отрывке из интервью с Анастасией наблюдается двойная инверсия статических и движущихся объектов: дома с плоскими крышами уподобляются пароходам, а автобус заменяет дом. Подобные образы, вновь свидетельствующие о нестабильности восприятия нового пространства, встречаются и в других интервью.

Мария С., 25

Дело в том, что с того момента, как я начала учиться в Технионе, я покинула Израиль. Я жила как бы в Технионе, в автобусе и в своей комнате. Я не видела, я уже больше была не в Израиле. Так что эйфория отменилась.

Автобус и пароход связаны с путешествиями, а значит и с изменением места. Они дают только временное пристанище и не могут стать настоящим домом.

Анализируя образы дома в русской литературе Израиля, Вайскопф обнаруживает те же особенности, что отмечены в нашем материале, в произведениях Дины Рубиной, Сусанны Чернобровой, Татьяны Ахтман, Светланы Шенбрунн и Льва Меламида. Повсеместным в русской литературе Израиля предстает на этой стадии образ дома, который не является жилищем, а только прикидывается им: люди живут в движущемся автобусе (Д. Рубина); дом стоит над бездной или даже на дереве (Л. Меламид); он похож на корабль (Д. Рубина); его заменяет лифт у С. Чернобровой, Т. Ахтман и С. Шенбрунн (Вайскопф 2001: 247). Частотность образа дома в личных рассказах эмигрантов и в эмигрантской литературе, а также постоянство ассоциаций и метафор подтверждает значение крепкого, надежного дома, без которого выходцы из СССР чувствуют себя неуютно.

Эмиграция: временная жизнь, временные люди

Важной особенностью советского образа жизни была ограниченная мобильность. Достаточно вспомнить беспаспортных крестьян сталинской эпохи и злополучную прописку, приковывавшую людей к месту и в более либеральные времена. Не поощрялись ни смена жительства, ни смена места работы. Выпускников вузов и техникумов старались привязать к мало привлекательным местам работы системой распределения молодых специалистов, а печально известные лимитчики должны были годами работать на одном месте, прежде чем получали заветную городскую прописку. С одной стороны, механизмы ограничения мобильности гасили в человеке инициативу, с другой, – создавали иллюзию предсказуемости жизни, стабильности и социальной защищенности. Ощущение стабильности и постоянства формируется медленно, и многие информанты жаловались на то, что страдают от неуверенности в завтрашнем дне.

Лилия Л., 43

То есть у меня, понимаете, у меня все время было в Израиле такое ощущение какое-то временности. И я за собой наблюдала, как будто это не со мной происходит, а я наблюдаю за собой с точки зрения третьего лица. У меня все время было состояние, что это нереально, нереально. Вообще я была в жуткой депрессии здесь.

Ирина Б., 70

Ирина: Это, можно сказать, что это самое удручающее обстоятельство для репатриантов. Это, когда человек оставил свою квартиру, которая у него была, в которой он прожил, может быть, сорок лет, может быть еще сколько. И он приехал, и у него нет жилья. Это удручает. Не забудешь лишнего гвоздя, не повесишь то, что хочешь, не поставишь то, что хочешь. Ну, и постоянное ощущение, что ты тут – временный человек. Само это вот ощущение, оно угнетает.

Что это не твое, а ты тут временно. Вот это состояние э-э временности, понимаете, оно удручает. Потому что это же и общее состояние какое-то, вроде бы ты как здесь временно, понимаете. Нет такого ощущения, что ты сюда приехал постоянно жить, потому что ты все время так э-э, такие обстоятельства: тут и не тут. (...)

Интервьюер: Ну, вы считаете, вот, ваш выбор был правильным, для вас?

Ирина: Ну, для нас, да, для нас да, не взирая э-э, на то, что идеального нигде нет. Еще нет идеальной страны – Лимонии. Страны «Лимонии», как говорят, (*смеется*) нигде нет на земле страны Лимонии. Везде есть свои «за» и «против».

Оппозиция постоянный–временный не ограничена восприятием времени. Неосвоенное пространство также воспринимается как временная среда и создает ощущение бездомности, и даже потери реальности. Лилия – не единственная информантка, говорящая о некоем раздвоении личности, о том, что события происходят как бы не с ней и наблюдение ведется со стороны. Некоторые также вспоминают, что вдруг почувствовали себя туристами, оказавшимися на черноморском курорте. Курортная жизнь – временная. Отсутствие работы, необходимость сесть за парту и взяться за непривычное для многих занятие – изучение языка также было нарушением привычного ритма.

Утопическая страна Лимония, о которой говорит Ирина – образ, услышанный нами и от других эмигрантов и зафиксированный в наших дневниках в рассказе, записанном по памяти. Напомним, что образ этот восходит к сталинским временам. Грузинский писатель Джаба Иоселиани, автор романа о лагерях «Страна Лимония» в газетном интервью объяснил, что «это лагерное определение – что-то вроде “Страны чудес”, нечто родственное солженицынскому “ГУЛАГу”» (Гвиндадзе 2002), а в рецензии на это произведение Лев Аннинский цитирует песню из лагерного фольклора:

Страна Лимония – планета
Где молоко, как воду пьют,

Где ни тоски, ни грусти нету
Где вечно пляшут и поют.
(Аннинский 2001)

Несколько другая интерпретация образа мифической Лимонии предстает в песне Михаила Танича «А здесь в тюремном лагере». Поэт противопоставляет знакомый заключенному ад лагерей за-бытому, а потому пугающему раю свободной жизни. Вся песня стилизована как лагерный фольклор. Приведем ее припев:

А я пока покаюсь.
На воле жить пугаюсь.
Считаю понедельники.
Считаю воскресения.
А за колю-колючкою,
За вышкой закорючкою.
А там страна – Лимония,
А не страна Пельмения.
(Танич 2003)

У Владимира Высоцкого в «Балладе о Детстве» страна Лимония ассоциируется с жалкими трофеями, привезенными солдатами из покоренной Германии. Нескончаемый коридор коммунальной квартиры трансформируется в тюремный, и Лимония становится символом несбывшейся мечты о послевоенном счастье и процветании:

У тети Зины кофточка с драконами, да змеями –
То у Попова Вовчика отец пришел с трофеями.
Трофейная Япония, трофейная Германия:
Пришла страна Лимония – сплошная Чемодания.
(Высоцкий 1988)

Изменились времена, а вместе с ними и образ Лимонии. Исчезли тюремные мотивы, но остались ассоциации с Тридевятым Царством, где все в изобилии и где неведомы тревоги. И сегодня, в

популярной песне Сергея Катина поется о том, что добраться в эту сказочную страну можно, лишь преодолев длинный подземный коридор (Катин 2003). Популярность образа Лимонии столь велика, что он используется в рекламе туризма, в концертных программах сатириков Задорнова, Кондратьева и Французова, а также в КВН. И во всех аллюзиях, так же как и в записанных нами рассказах, образ Лимонии сохраняет амбивалентность заветной, но недостижимой мечты.

Наш материал показывает, что кроме потери стабильности, иммигранты испытывают изменения в представлениях о цикличности жизни. Помимо традиционного деления на детство, отрочество, юность и т. д. в иммигрантском дискурсе появляется разделение на жизнь «до», и «после» эмиграции. В разговоре с покупательницей сорокалетняя женщина-продавец с грустью сказала о своей эмиграции: «вся моя жизнь раскололась на две половинки» (запись из дневников). Психологи, изучающие мигрантов, отмечают, что такое восприятие характерно для российских эмигрантов и является признаком психологической травмы, перенесенной личностью (Маховская и др. 2001: 46–47). Более того, эмиграция меняет представления о собственном возрасте. Существует предположение о том, что в человеке отсутствует жесткая корреляция между биологическим и психологическим возрастами. Социально заданные возрастные категории могут не совпадать с биологическим взрослением и старением, так как они связаны с социальной компетентностью и наличием власти (Адам 1990; Миллз 2000). Иными словами, психологический возраст тесно связан с социальным статусом индивида. Даже необходимость снова сесть за парту и начать учить с азов новый язык вызывает у некоторых взрослых учеников *ульпанов* чувство несоответствия этого занятия возрасту. Да и сама система обучения в *ульпане* способствует этому неловкому чувству и ставит обучающихся в положение детей (Гольден 2002a). Среди иммигрантов в Израиле наблюдается раннее взросление детей и подростков. Многие приезжают учиться в рамках многочисленных молодежных программ и начинают жизнь в новой

стране без родителей. Но и в тех случаях, когда дети приехали с семьей, они часто оказываются в ситуации, когда растерянные родители не могут помочь им адаптироваться в новой среде. Более того, детям нередко приходится быть переводчиками и консультантами родителей, с трудом осваивающих иврит. От этого роли в семье меняются, и дети начинают относиться к родителям покровительственно и свысока. У взрослых иммигрантов ощущение возраста непосредственно связано с развитием карьеры, а именно с успехом или неспособностью найти работу по специальности, или, с получением после прохождения курсов новой не менее престижной, чем раньше, квалификации. Важным компонентом социального статуса иммигранта становится и финансовая независимость, способность содержать семью. Напротив, неудачи на рынке труда, необходимость довольствоваться жизнью на пособие придают чувство инфантильности или преждевременного старения. То, что происходит с людьми в эмиграции можно сравнить с социально-возрастными конфликтами, описанными Бочаровым. В поздний советский период огромные массы периферийной интеллигенции были вынуждены на протяжении многих лет довольствоваться «молодежным» социальным статусом, при этом наследовался и соответствующий психологический статус, несмотря на реальный биологический возраст (Бочаров 2001: 64). В еще более острой форме этот конфликт проявляется у интеллигенции в эмиграции, так как происходит не искусственное торможение социального продвижения, а резкое падение социального статуса.

Леонид Б., 36

Интервьюер: Вот вы здесь всего восемь месяцев. У вас как-то изменился быт семьи, в смысле проведения досуга? Я понимаю, что, конечно, вы заняты, надо учиться. Надо устраивать новую жизнь. Но все-таки?

Леонид: Конечно, поменялся. Полностью поменялся. Ну, так она и жизнь полностью поменялась. То есть, ну, соответственно, уже под эту жизнь, под местные, вот, условия. Конечно. Поменялось. Полностью. Причем. Опыт жизнен-

ный, что там за 30 с лишним лет нажит, здесь абсолютно и напрочь не действует. То есть первое время ребенком себя ощущали. Сейчас уже какой-то маленький, но все равно есть уже местный опыт. А по первости это вообще, непривычно было себя в тридцать с лишним лет ребенком ощущать. Что, как? Ну, абсолютно, ну,... Так сказать, с нуля началось все. Ни жизненного опыта, ни, ничего, так сказать.

Деление жизни на «до» и «после» эмиграции делает более резким и деление на прошлое и настоящее. Особое внимание обращает на себя то, что наши информанты, включая молодежь, редко говорят о будущем. Нежелание людей из бывшего СССР говорить о «лучшем будущем» подметили антропологи (Голден и Райс 2002; 1997). Годы ожидания «завтрашней радости» зарядили это понятие скепсисом. Иммигранты, успешно интегрирующиеся в обществе, предпочитают концентрировать мысли на сегодняшнем дне, тем более, что это созвучно установкам израильтян, выработавших такое отношение под влиянием частых войн и не прекращающегося терроризма. Те же иммигранты, которые не смогли найти себе «место под солнцем», концентрируются на прошлом, идеализируя его и пытаясь воссоздать его в настоящем.

Петр Г., 43

Петр: Впечатление было такое, что жизнь как бы кончилась. На второй и третий день, знаешь, есть же такое ощущение, что все. Потому что тогда еще не могли предположить, что можно будет ездить туда-сюда спокойно¹¹. Хотя уже у нас гражданство не отобрали. Уехали, вот. Одни из первых, когда перестали паспорта забирать. Вот, ну, постепенно, постепенно, как-то все это втягивает. И забываешь, начинаются всякие бытовые проблемы. Самое тяжелое было – первые дней десять.

Интервьюер: Почему? Чем?

Петр: Вот такое ощущение, что ты в другое измерение перешел уже. Стена глухая. И как бы все, уже той жизни не будет, а есть какая-то новая жизнь, которая в Нацерете. Как-

то так, не тот город, который дает представление о цивилизации и об Израиле. Ну вот, а потом, когда мы переехали через полтора месяца в Кфар-Сабу и начали уже что-то делать по профессии, пытались. Уже немножко отошло на второй план, а первое, самое тягостное, это, я помню, первые дней десять. Когда хотелось с крыши броситься вниз. У меня, во всяком случае. Я не знаю, как у жены. У меня было такое ощущение.

Напомним читателям, что Петр эмигрировал не по убеждениям, а по инерции (см. глава 2). Хотя ему и не пришлось проходить унижительную процедуру отказа от гражданства, он воспринял отъезд из СССР как необратимый шаг, оторвавший его от корней. Уподоблением расставания с родиной смерти начинается и завершается этот нарратив. Эмоциональное состояние рассказчика передается пространственными метафорами: «глухая стена» и «переход в другое измерение». Необходимость решать бытовые проблемы, а потом и старания вернуться в профессию помогли отодвинуть тоску. Петр сохранил тесные связи с родиной и через шесть лет после приезда в Израиль после многочисленных неудачных попыток найти работу в театре, он вернулся в Россию. Подводя итог своей эмигрантской жизни, он сказал, что самое важное для него – это возможность работать. И неважно где – в Америке, Израиле или Тюмени. И помолчав, добавил, что, впрочем, стоило приехать в Израиль хотя бы для того, чтобы написать песни, которые он сочинил, борясь с ностальгией.

Эльвира Д., 34

И через три года я поехала туда (в Тбилиси). И я разочаровалась. Не то, э-э, понимаешь, что там было тише, да, намного тише. Но люди были уже не те. Люди очень, очень многие уехали. Приехали из, значит, деревень. Это, это уже был не тот город, абсолютно не тот город. Не было того тепла, в котором мы выросли. Ну, не было всего этого. Это было все чужое.

Ева Ф., 40

Не трави. Дело в том, что по городу тому, который я помню, я скучаю, но если я туда поеду, его уже нет.

Инна П., 49

Ностальгия есть. Я (*пауза*) очень часто говорю: «Хочу домой». Но (*пауза*) очень странное хотенье. Я хочу домой и (*пауза*), как сказать, так, когда родители еще были. Я в отчий дом хочу. Вот, в отчий дом хочу вот, это самое. А не то, откуда мы уехали. Я хочу в отчий дом, вот. А так мне, по сути дела, ехать только на могилы. У меня никого там нет.

Эмма Р., 56

Эмма: Это известно: надо поехать в Ленинград. Я уже там была (*пауза*) 3 раза. Вот. Ну, как рукой сняло. Хотя я никогда не думала, что так будет. На первых порах я просто была, как безумная. Я ходила по улицам здешним, а представляла: вот, я выхожу из своего дома на Лиговке, сейчас подхожу к Невскому, вот, перейду. Сейчас сяду на свой троллейбус, поеду на Петроградскую. Это было просто безумно. Вот. Э-э ну, вот, до тех пор, пока не съездила. Съездила – абсолютно успокоилась. Я поняла, что мне там не место.

Интервьюер: А вот почему, в каком смысле?

Эмма: А там, как я там сказала нашей одной дальней родственнице: «Ты знаешь, меня здесь (*пауза*) окружают не люди, а тени». Она говорит: «Но ведь это же хорошие тени, добрые». Я говорю: «Но я предпочитаю среди людей». Там очень уж грустно. Я же мимо своего дома, я пройти не могла. Я прошла по противоположной стороне вот так вот – от-вернувшись. Нет-нет, там мне сейчас невозможно было бы.

В этих четырех отрывках понятия пространства и времени неразделимы. Все информантки тоскуют по дому, которого больше нет. Они тоскуют по городам, изменившим лицо. Родной город, даже идеализированный, приобретает ассоциации с царством мертвых.

Иммигранты испытывают ностальгию по прошедшему времени, пространству и образу жизни, к которому нет возврата. Бойм выделяет два типа ностальгии: реставрационную и рефлексивную. Реставрационная ностальгия – это своеобразная попытка воссоздать утраченный дом и заполнить лакуны памяти, в то время, как рефлексивная ностальгия питается чувством тоски и потери, и в основе ее лежит несовершенство процесса воспоминаний (Бойм 2001: 41). Оба эти типа ностальгии часто уживаются в рассказах. Попытки иммигрантского сообщества возродить знакомые обычаи и привычные социальные институты – это попытка реконструировать жизнь по знакомому образцу. Но в личных рассказах, эксплицитно, а чаще имплицитно иммигранты признают тщетность попыток соединить прошлое с настоящим. И независимо от того, воспринимает ли человек жизнь в новой стране как временную и не совсем настоящую или как тупик, такое состояние не может быть постоянным. Одни повторно эмигрируют, чаще всего в Америку или Канаду, другие возвращаются в СНГ, большинство же находят приемлемую для себя нишу в Израиле¹².

Как найти Запад на Ближнем Востоке

Встречи и столкновения цивилизаций, традиционно называемых Востоком и Западом, – неисчерпаемая тема политического дискурса и современного фольклора. Не обходят ее в своих разговорах и обыватели, особенно в странах, находящихся на пересечении культур. Так же, как обсуждение арабо-израильского конфликта, дискуссии о Востоке и Западе возникли в наших интервью спонтанно. Уже в первых беседах мы обратили внимание на то, что рассказчики часто опирались на эти понятия и использовали их как знаки определенных социальных и культурных явлений, необходимых им для интерпретации израильской жизни. Символическое деление мира на Запад и Восток лишь опосредованно связано с географией¹³. Здесь вступает в силу то, что Д.С. Лихачев назвал

культурным пространством или пространством среды, имеющим не только протяженность, но и глубину (Лихачев 1997: 426). Восток и Запад – не более чем вымышленные конструкты, расцвеченные мифами и фантазиями, утверждают Шохат и Стам (1994: 13). Особенно Восток: «...земли, расположенные к востоку от Запада, стали царством сказок. Реальность жизни на Востоке всегда пряталась под оболочкой историй, представленных то как факт, то как вымысел или басня» (Сардар 1999: 1). Закрепившаяся в сознании поколений поляризация восточной и западной культур, по мнению Хантингтона, является следствием того, что европейская цивилизация называется западной. Он полагает, что вместо деления на Восток и Запад уместнее было бы говорить о Западе и всех остальных, что предполагает наличие многочисленных культур «не-Запада» (Хантингтон 1996: 33).

Важная роль в создании образа Востока и Запада принадлежит литературе и искусству. В последние десятилетия их влиянию на формирование понятий о различных цивилизациях посвящены работы многих исследователей, работающих на Западе. Перечислим некоторые из них: Каббани 1986; Лошицки 2000; Морлей и Робинс 1995; Саид 1995; Сардар 1999; Шохат 1989; Шохат и Стам 1995.

Изобилует образами Востока и Запада и русская культура. Даже те советские граждане, которых нельзя назвать искушенными в литературе, были со школьной скамьи знакомы с пересказами былин, повествующих о дальних странствиях. Многие также слышали изложение «Сказаний об Индийском царстве» и «Хождения за три моря Афанасия Никитина»¹⁴. Невозможно было закончить советскую школу, не соприкоснувшись с прозой и поэзией Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Толстого, произведения которых во многом повлияли на отношение российского народа к восточным культурам. В разные периоды российской истории, различные регионы Азии оказывались притягательными для российских, а затем советских писателей и художников. Интерес этот был часто связан с военными конфликтами и национальными освободительными

движениями, например, войной на Кавказе 1816–1864 гг., русско-японской войной 1904–1905 гг., движением басмачей в 1917–1926 гг. Безусловно, повлияла на отношение к Востоку и историческая память о нашествии Золотой орды, поддерживаемая литературой и фольклором¹⁵. Хотя враждебность по отношению к восточным соседям никогда не была в России доминантной, тем не менее изображение конфронтации Востока и Запада, который в этом контексте воплощала Россия, не могло не оставить след в сознании обывателя. Вместе с этим, Восток всегда привлекал экзотикой и верностью традициям. В глазах русского общества он противостоял холодному рационализму Запада¹⁶.

Многие русские писатели говорили об особом положении России на оси Восток–Запад. Так, Лотман указывает на то, что М.Ю. Лермонтов видел самобытность русской культуры именно в том, что она была антитезой и Западу, и Востоку. В соответствии с этой типологией Россия является Севером и у нее сложные отношения с обеими цивилизациями. С одной стороны, она противопоставляет себя им, с другой стороны, служит Западом для стран Востока и Востоком для Запада (Лотман 1993: 10). Размышления о том, к какому из этих двух миров относится Россия, находим в литературе Серебряного века, в произведениях А. Белого, Д. Мережковского, А. Блока и Н. Гумилева, не принимающих всем сердцем ни Запад, ни Восток. Философ Владимир Соловьев утверждал, что Россия «империя двуглавого орла есть мир Востока и Запада, разрешение этой вековой распри великих исторических сил и высшее всеобъемлющее единство», посредник между рационализмом и готовностью к действию Запада и восточной склонности к мистицизму и самоанализу (Соловьев 1989: 602).

Не утихают споры о месте России и сегодня. Возродились идеи евразийства, возникшие в 1920-х годах среди русских эмигрантов, считавших Россию особым организмом, ориентированным на Восток и отвергающим западные ценности. Резким критиком этих идей выступил академик Д.С. Лихачев, доказывающий, что в культуре России было очень мало собственно восточного. Причем те вос-

точные сюжеты, которые проникли в русскую литературу, пришли с запада. Более того, он утверждает, что для России гораздо большее значение имело противостояние Юга и Севера, чем Востока и Запада. Так как духовная европейская культура пришла на Русь из Византии и Болгарии, а дружинно-княжеская военная – из Скандинавии, Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией (Лихачев 1997: 440–441). По нашим наблюдениям, говоря о противостоянии Севера и Юга, нельзя забывать и о том, что в представлениях современных россиян Юг часто отождествляется с Востоком.

Отношение Запада к России так же амбивалентно и противоречиво, как и любимые русскими размышления об особенностях национального сознания. На протяжении нескольких веков Запад систематически отчуждался от России: она изображалась европейским маргиналом и с точки зрения развития общества (отчуждение во времени), и с точки зрения географического положения (отчуждение в пространстве). В результате в представлении европейцев Россия всегда оставалась на периферии (Ньюмен 1999: 163). Своеобразен был взгляд на Россию и СССР американских политологов. Так, Виллиам Ваттс рассматривает СССР как азиатскую страну и, как и многие другие, игнорирует различия между Россией и СССР (1982). Другой исследователь, Мильнер-Гуланд, делит Россию на европейскую и азиатскую. Его книга, затрагивающая широкий спектр исторических, антропологических и культурологических вопросов, вышла в серии «Народы Европы» и попала она туда потому, что автор изучает только европейскую часть России. Это деление искусственно, но именно так была представлена Россия в исследованиях в различных областях, начиная с XIX века. Обращает на себя внимание и то, как этот автор оценивает культурную ориентацию России: «...российская культура никогда не была самодостаточной, отрезанной от остального мира; напротив ей всегда требовалось взаимодействие с Европой, будь то восточная, центральная или западная Европа, и в меньшей степени ей нужны были связи с Азией. Что же касается представлений о

том, что это варварская, импульсивная, азиатская страна, край скифов, можно сказать, что это не более чем аффектация начала XX века» (Мильнер-Гуланд 1999: 228–229). То, что исследователь, изучающий Россию со стороны, характеризует как отсутствие самодостаточности, Д. С. Лихачев оценивает как одно из главных достижений российской культуры: «Наша культура, русская культура и культура российских народов – европейская, универсальная культура, изучающая и осваивающая лучшие стороны всех культур человечества» (Лихачев 1997: 444).

Советская еврейская интеллигенция всегда гордилась своим знанием русской культуры и, особенно, литературы. Не случайно русскоязычная пресса Израиля широко использует аллюзии на русскую литературу и фольклор. Воспринятые в СССР представления о различиях цивилизаций мобилизуются для интерпретации нового израильского опыта, а доступность и популярность литературных новинок, российских телевизионных каналов и прессы способствует тиражированию среди иммигрантов и постсоветских стереотипов в восприятии Востока и Запада.

В этом смысле интересно напомнить о серии телепередач «Россия: Восток–Запад», подготовленных Валерией Новодворской и показанных каналом НТВ Интернэшнл летом 2001 г. Автор смотрит на историю России через призму отношений между Востоком и Западом. Во вступлении прозвучали такие слова:

Мы будем бережно выбирать из сваленного перед нами исторического хлама крупы Запада, которые на всем этом лежат, как жемчужины. Будем отделять мух от котлет, потому что, безусловно, в нашей истории крупы Запада – это котлеты, а темный гарнир востока – это мухи. И (пауза) посмотрим, нельзя ли все это разделить друг от друга, равно удалить. Так, чтобы одни котлеты остались, а мухи куда-нибудь улетели.

(Новодворская 2001).

Кроме гастрономических метафор в этом высказывании обращает на себя внимание резко отрицательное отношение к Востоку и положительное к Западу, а также их метафорическое противопоставление в духе традиционного фольклора: насекомые – драгоценные камни. Свои мысли и взгляды Новодворская иллюстрировала сценами из популярных советских фильмов. Таким образом, пытаясь демифологизировать российскую историю, она опиралась на советскую мифологию, представленную в кинофильмах, на которых было воспитано не одно поколение советских людей. И эти фильмы были одним из источников евроцентризма во взглядах¹⁷. Сами того не замечая, наши информанты часто цитировали и строки из книг, и ставшие крылатыми выражения из фильмов, и целые пассажи из газет. При этом в большинстве случаев они были убеждены, что высказывают свои собственные мысли.

Так же как и другие этносы, евреи часто изображаются в русской поэзии и прозе. В отличие от народов Кавказа и Центральной Азии, восточное происхождение и характер еврейской культуры не были определяющими компонентами их коллективного портрета. Это подтверждается в частности тем, что в исследованиях образов и стереотипов евреев в русской и советской литературе и фольклоре эта тема не возникает вообще (см., например, Дрейзин 1990). И все же во многих литературных портретах евреев можно найти детали, связывающие их с Востоком. Так Куприн пишет о своем герое-еврее «...он сохранил повсюду свой крепкий, горячий южный тип» (1957: 225), а у Короленко читаем: «Мендель хорошо знал Талмуд и порой расцвечивал свою речь по-восточному яркими, своеобразными сравнениями» (1954: 402). Определяющей чертой поведения евреев, представленных в литературе XIX века, является неукоснительное соблюдение традиций. Когда поступки окружающих входят в столкновения с ними, евреи могут прибегнуть к жестокости, которая, с точки зрения европейцев, ассоциируется с Востоком. Напомним в качестве примера, что в «Балладе» М.Ю. Лермонтова старик-еврей обращает свой гнев против дочери, полюбившей русского юношу, и закалывает обоих кинжалом (1969:

255–256). Представляется, что выбор орудия возмездия здесь неслучаен, он имплицитно указывает на восточные обычаи евреев. Интересное наблюдение делает Феликс Дрейзин по поводу описания Александром Солженицыным одного из действующих лиц повести «Один день Ивана Денисовича»: «В Цезаре всех наций намешано: не то он грек, не то еврей, не то цыган – не поймешь. Молодой еще» (Солженицын 1978: 24)¹⁸. Дрейзин указывает на то, что у русского читателя все три этноса, а в особенности евреи и цыгане, могут ассоциироваться с одними и теми же отрицательными чертами: лживостью, торгашеством и бродяжничеством, являющимися частью их этностереотипов (1990: 161–162). Обратим внимание еще на одну деталь: в этом примере евреи оказываются в одной компании с другими пришедшими с Востока чужаками.

Американский социолог Владимир Шлапентох указывает, что в советскую эпоху, несмотря на сильное давление, заставлявшее индивида подчинять свои взгляды официальной позиции в отношении к Западу, подлинное мнение советских людей по этому вопросу было чрезвычайно противоречивым. В разговорах средний советский индивид с готовностью воспроизводил ставшие стереотипными рассуждения об агрессивности Запада и его тлетворном влиянии, с другой стороны, всегда жадно искал любую информацию о жизни на Западе (Шлапентох 1989: 132–152). Как уже упоминалось в главе 3, городская молодежь стремилась подражать образу жизни и стилю одежды своих сверстников из капиталистических стран. Партократия отвечала на это кампаниями в СМИ против «низкопоклонства перед Западом» (например, шквалу критики подвергались в 50-е годы так называемые «стиляги»), а также «разборам» на комсомольских собраниях, которые могли повлиять на будущее выбранных в качестве мишени молодых людей. Шлапентох указывает, что помимо молодежи, интерес к Западу всегда проявляли интеллигенция и аппаратчики. Напомним, что этот интерес подогревался устными рассказами «очевидцев», тех избранных, которые, пройдя фильтры парткомовских и обкомовских комиссий, получали разрешение выехать в «капстрану» в коман-

дировку или в туристическую поездку. Еще одним источником информации были письма эмигрантов, которые доходили до адресатов в периоды оттепели и перестройки, когда цензура была менее жесткой. И письма, и рассказы часто вступали в конфликт с пропагандистскими материалами. Уехавшим не хотелось рассказывать о сложностях и проблемах эмиграции, а путешественники и командированные, попавшие за рубеж на короткий срок, успевали разглядеть изобилие потребительских товаров, но не сталкивались с обратной стороной жизни. Да и слушатели жаждали услышать лишь хвалебные рассказы, а любая критика воспринималась как лицемерное прислуживание официальной идеологии. Виллы и автомобили, бытовая техника и модная одежда заменили в народных представлениях мифические компоненты Тридевятого Царства. В отличие от русских странников прошлого, дивившихся на роскошь Востока, воспитанные в идеалах аскетизма советские путешественники поражались потребительскому изобилию Запада.

Как и Россия, Израиль находится на перекрестке цивилизаций. На основе социальной структуры, религии и языка антропологи выделяют шесть культурных регионов. Один из них – Европа и страны, впитавшие европейскую культуру: США, регион Северной Африки и Израиль (Лебедева 1999: 34). Считаясь единственной демократией на Ближнем Востоке, постоянно опираясь на поддержку своего союзника, США, и стремясь к расширению своего участия в экономических и научных проектах ЕЭС, Израиль культивирует связи с Западом. Этому способствовали и доминировавшие в первые десятилетия существования государства попытки строительства нации на основе культурной гомогенности, когда формировавшаяся элита, в большинстве своем выходцы из Европы, стремилась навязать свой культурный опыт восточным евреям (Шуваль и Лэшем 1998; Цфадия 2000). Однако мощный приток евреев из Марокко (1950-е годы), которым во многом удалось сохранить самобытность обычаев, явился катализатором противоборства западных и восточных элементов еврейской культуры. Борьба *ашкеназим* и *мизрахим* (европейских и восточных евреев)

за лидерство и культурную гегемонию и по сей день остается актуальным вопросом внутривнутриполитической жизни. Массовая эмиграция из бывшего СССР в 90-е годы усилила влияние прозападных настроений в обществе. Как указывает Лустик, многие израильтяне приветствовали прибытие советских евреев, потому что они «не арабы и не выходцы с Востока» (Лустик 1999: 428). За исключением бухарских и горских евреев, выходцы из бывшего СССР не идентифицируют себя с Востоком. Более того, они считают себя больше европейцами, чем этнические русские. В интервью русскоязычной израильской газете ученый-физик и публицист Александр Воронель сказал:

Мир разбит на множество цивилизаций, так уж сложилась история, и никакая политкорректность не затушит фундаментальные различия в их устройстве, в системе их языков. Мы, русские евреи, выросли в российской цивилизации, к Западу, безусловно, тяготеющей, но с ним далеко не общей. Она наложила на нас неизгладимый отпечаток, но правда и то, что мы таинственным образом – не знаю, как это произошло, не в газетном интервью доискаться до таких глубин, сохранили и еврейские свои черты, ибо еврейство, надо полагать, тоже отдельная цивилизация. В случае, когда евреи не целиком, не всецело проникнуты специфически своим национально-культурным существованием, их еврейство проявляется в том, что они берут ближайшую для них цивилизационную модель, а именно западную, и оказываются, как с этим обстоит в России, ее активными сторонниками, проводниками, пропагандистами. Русские евреи – сплошь западники, это фатально, западная культура владеет их симпатиями почти безраздельно, вытесняя из сознания все, условно говоря, славянофильское (Гольдштейн 2002: 26).

И иммигранты 70-х, и иммигранты 90-х рассматривали развитие Израиля по западному образцу как одно из основных условий успешной социальной и профессиональной интеграции. Это положение подчеркивается и в работах израильских ученых-иммигрантов

(см., например, Тумерман 1982; Воронель 1982; Эпштейн и Хеймец 2000; Ременник 2002б). Тема эта постоянно обсуждается русской-язычной прессой, на интернет-форумах и в отрывках из интервью, представленных в данном разделе.

Как мы уже говорили, только по прибытии в Израиль большинство выходцев из бывшего СССР осознали, как мало они знают о новой стране проживания и о том, что Израиль является конгломератом культурных традиций, государством, котором европейские евреи живут бок о бок с евреями из Марокко, Йемена, Ирака, Эфиопии, а также с арабами, друзами, бедуинами и черкесами. В представлениях о месте Израиля на оси Восток–Запад ожидания иммигрантов были наивны и иллюзорны, и их можно разделить на три группы:

- Израиль тесно связан с Америкой, поэтому это не Восток.
- Израиль обладает многими чертами европейских стран, это мини-Европа на Ближнем Востоке.
- Израиль – экзотическая страна с колоритом восточной сказки, яркими красками, буйной растительностью и шумными толпами.

Столкновение с реальностью быстро разрушило представления о западном характере Израиля и экзотике жизни на Востоке. Приведем несколько примеров, в которых наши информанты отвечают на вопрос о месте Израиля на символической оси:

Эмма Р., 56

Интервьюер: Скажите, Вы воспринимаете Израиль как Запад или как Восток?

Эмма: Ну, э-э конечно, это страна восточная с потугами обрести западное лицо. Мне так кажется, э-э на мой взгляд.

Григорий Г., 30

Интервьюер: Когда Вы думаете об Израиле, что Вы себе представляете – Восток или Запад?

Григорий: Я никогда не думал так. Трудно, что... не знаю. Но это не Восток. Точно! Такой в чистом виде. Вот. Это скорее ближе к Западу. По крайней мере, это самое, вот, стремятся к Западу. И хотят считать себя Западом. Но, конечно, восточное влияние тоже имеется. Причем, это самое, не люди несут это восточное влияние, а сама, вот, атмосфера, окружение. Хочешь, не хочешь, а с этим считаться надо.

Ольга Г., 72

Ольга:... я считала, что Израиль – это очень культурная страна. Мы считали, что мы уехали на Запад, а не на Восток. И, что, значит, нас ждут вот такие отношения, как должны быть на Западе.

Интервьюер: А почему вы так считали? Были какие-то основания думать, что Израиль – это Запад?

Ольга: Понимаете, мы не считали Израиль Востоком. Во-первых, его отношение к Америке, Израиля. Его отношения с Америкой. Во-вторых, близость Израиля к европейским странам. Мы вообще ничего не знали об Израиле. И мы считали, что мы приехали на Запад. А попали на абсолютный Восток! Это первое, что нас поразило.

Уже обсуждавшаяся нами относительность понятий Восток–Запад проявляется в рассуждениях многих иммигрантов. Точками отсчета становятся республики бывшего СССР или другие страны, по большей части европейские.

Виталий Б., 79

Интервьюер: Вы, вообще Израиль воспринимаете как восточную или как западную страну?

Виталий: Я воспринимаю как западную. (Замечает удивление собеседницы) Что такое? Неправильно?

Интервьюер: Нет. Просто все по-разному...

Виталий: Да, я воспринимаю как западную страну, поскольку она действительно, и...и в свое время, когда еще там (пауза) всегда ставился вопрос, стоял, куда отнести: к Африке, к Европе? Но, когда уже тут Турция – Европа, Гре-

ция – Европа, то тут это уже рядом. Это уже тоже Европа получилась.

Мариула Ф., 25

Интервьюер: Что ты знала об Израиле и что ты знала об этой жизни как эмигрантка?

Мариула: Я ничего не знала. Ты вообще умрешь со смеху, я вообще думала, что в Израиле живут все евреи, а так как я знала, что евреи – это только кавказские, что и все кавказские, и никого больше нет. Я все время маме говорила: «Мама, какой ужас! Нету, там не будем на русском языке разговаривать. Нету там русских. Мы же привыкли, мы в России живем среди русских, и мы сами по отцу, мы русские цыгане, крестьяне крещеные. Там все твои кавказские будут, и мы так привыкли в России, мы не то, что не любим кавказских – есть хорошие, есть плохие среди всех национальностей. Но не были таких, не знаю...

Интервьюер: То есть...

Мариула: сильных чувств. Я, лично, так не любила сильно кавказских. Может быть потому, что мне попадались такие. Не сильно хорошие. Я была в шоке. Я говорю: «Мама, мы сейчас прилетим, где мы будем жить?». И нам одни говорили: «Вот вы приедете и вас сразу возьмут по больницам там. Кто больной, кто не знаю что, вас всех распределят, вас всех будут лечить. А потом всех поставят возле моря. В палатках будете жить пока что». А я говорила: «Так это же хорошо! Это же некоторыми местами похоже на качу, на кочующих цыган. Будем возле палаток, возле моря». Но я вообще не представляла, что здесь есть *ашкенази*, *этиопи* (иврит, «европейские евреи, эфиопы»), здесь есть индусы, все такое. Я думала здесь все кавказские, а, когда мы прилетели, все там (неразборчиво) в аэропорту я увидела русские проходят, вижу черных *этиопи*. Я говорю: «Боже мой! Это что, все евреи?» А она (мать Мариулы) говорит: «Ну, я не знаю, надо у Абрама и Евы спросить, кто здесь еврей, а кто не еврей. Я знаю, что мы – евреи!».

Хотя Мариула выросла в большом уральском городе, населенном различными народностями, включая и европейских евреев, евреи ассоциировались для нее только с горскими евреями, или татами, к которым относится семья ее матери. Многие горские евреи эмигрировали в Израиль в 1970-е годы и уже тогда образовали отдельную общину. В феврале 2003 г. прошел учредительный съезд Всемирного конгресса горских евреев, которые проживают в Азербайджане, России, Израиле, Грузии, США, Канаде и Австрии. Штаб-квартира конгресса размещается в Москве, а в Израиле создается первый постоянно действующий музей горских евреев. Помимо этого, в Израиле существуют объединения горских евреев, которые помогают членам общины решать юридические проблемы, вопросы образования и организуют досуг. Израильтяне называют горских евреев *кавказим* и считают наименее приспособленной к жизни в новой стране группой эмигрантов из бывшего СССР. Сами горские евреи всегда подчеркивают свою связь с культурой народов Кавказа (см. Подражанский 2003; Халдеев 1999; Членов 2000: 179). Проводивший исследования данной общины израильский антрополог Брам показывает, что у горских евреев в Израиле есть два варианта самоидентификации: 1) оставаться на периферии русскоязычной общины, поскольку на равных правах в нее могут войти только представители интеллигенции, в достаточной мере русифицированные или 2) сблизиться с восточным, и прежде всего, марокканским населением Израиля, педалируя восточные черты своей общины (Брам 2004). О периферийном положении горских евреев пишет также американский антрополог Саша Голубофф, проводившая полевую работу в московской хоральной синагоге (Голубофф 2003).

Горские евреи, оказавшиеся среди наших информантов, часто говорят о маргинальности своей группы.

Интересная деталь в рассказе Мариулы – слухи о том, что всех иммигрантов сначала положат в больницу. Возможным источником этого могла стать искаженная информация об израильских центрах абсорбции новых репатриантов, которые предоставляли

вновь прибывшим жилье, помогали в оформлении необходимых документов, курировали их учебу и досуг (см. главу 3). Слухи о том, что жизнь иммигрантов строго регламентирована, приобретали и такую гипертрофированную форму. В главе 2 мы упоминали, что Мариула идентифицирует себя с цыганами, а потому, пытаясь представить радужную картину предстоящей жизни в Израиле, она уподобляет ее жизни цыганского табора. Надежды девушки на теплый прием уехавших ранее родственников не оправдались. Нарушая все правила советского, и тем более кавказского, гостеприимства, ее дядя отказался предоставить кров сестре и двум племянницам даже на одну ночь. С горечью Мариула заключает свой рассказ: «Люди в Израиле превращаются в лед».

У очень немногих информантов Израиль ассоциировался с Востоком и будил воспоминания о сказках «Тысячи и одной ночи»:

Инна Ф., 26

Интервьюер: Каким вы себе представляли Израиль в тот момент? (когда было принято решение об эмиграции).

Инна: Никаким. То есть не было четкой картинки. То есть, вот, когда я закрывала глаза. Я себе представляла что-то яркое. Какие-то яркие краски. Вот совершенно сочетание ярких красок. Ничего определенного, абсолютно. И единственное, что думала, вот что-то такое, как представляла, в стиле восточного рынка, восточного базара. Что-то яркое, громкое. Совсем мне не казалось, что это Европа. На самом деле так и оказалось (*смеется*).

Полярные представления об Израиле характерны для собранного нами материала. Чем же обусловлена пестрота ожиданий, и почему так важно нашим информантам найти Израиль место на Востоке или на Западе?

Воображая Израиль: Двуликий мифологический фантом

Как мы уже показали, тем, кто покидал СССР в конце 80-х – начале 90-х, эмиграция представлялась необратимым шагом, переворотом всей жизни. Такое восприятие было характерно и для зрелых людей, и для подростков. И те, и другие считали, что уж если стоит решиться на такой рискованный шаг, то двигаться следует на запад.

Анатолий П., 26

Анатолий: Вот, а я никуда не хотел уезжать.

Интервьюер: Почему?

Анатолий: Нет, было такое отношение к Израилю предвзятое, такое вот, брезгливое. Абсолютно беспочвенное. Просто, что все в Израиле и всё израильское как-то выглядит каким-то совершенно... не то, что это – заграничное, а израильское, потому что там иероглифы и ещё там Восток, и вообще, непонятно, что там. То есть ясно, что рок-энд-ролла там нету, как бы.

Интервьюер: Да?

Анатолий: Что это не Лондон, что не Нью-Йорк, и вообще, – о чём речь? Я всегда смотрел на Запад, как на границу, а Восток на меня никогда не производил. Вся восточная часть для меня не была как заграница. А там... какой-то третий мир. Израиль тоже.

В этом отрывке понятия Восток и Запад наполняются аксеологическим смыслом. В системе ценностей Анатолия Запад олицетворяет все, чего он хотел бы достичь, и одновременно с этим противопоставляется Востоку. Кроме рок-энд-ролла, олицетворяющего молодежную поп-культуру Запада, его символом для Анатолия являются определенные города.

Многие наши информанты, например, Евгений Л., 66; Эмма Р., 56; Инна Р., 49 и другие, рассказывают, что первые представления об Израиле сформировались у них на основе буклетов и видеокассет, распространяемых представителями Еврейского агентства. Многие посещали встречи с сотрудниками этой организации, ез-

дившими по городам СССР с целью уговорить потенциальных эмигрантов приехать на «историческую родину».

Мария П., 24

И они, большинство людей, которые приезжали, они были не *сабрами* (русифицированный иврит, «кактус» – в разговорном иврите обозначает коренного израильтянина), а также эмигрантами. Они рассказывали, как они до этого дошли. Обычно еще были из таких стран, типа Австралии, не знаю. (...) Ну, на самом деле, конечно, не было реального представления. То есть, было ощущение, что это нормальная страна. Они никогда не говорили, что там все хорошо. Но они пытались создать ощущение, что это цивилизованная европейская нормальная страна. Все, кто приезжал, они были выходцами или из России, или из западных стран. Было киббуцников много. Они тоже рассказывали. Было ощущение, что киббуц – это жутко что-то прогрессивное и классное. Ну, в принципе, было ощущение, что это все жутко здорово. Понятно, все говорили: «Да, у нас не Америка, но тем не менее». Но, в общем, ощущение у меня было какое-то романтическое. (...) Действительно, я там видела какую-то девочку, которая из очень глухого города из России. И вот, тут стоит перед тобой такая цивилизованная красивая девочка, которая учится где-то в университете, такая голубоглазая блондинка. То есть ощущение было, что все израильтяне голубоглазые блондины, все как один. И вообще, все старые местечковые стереотипы, было ощущение, что они рушатся, что израильтяне такой свободный, сильный [народ] (...)

Мы никак не могли получить вызов. (...) и кончилось дело тем, что мы вышли на консула, нет, это был, конечно, зам. консула, израильтянин, которого в два года вывезли из России. Он хорошо знал русский, производил хорошее впечатление: западный свободный израильтянин, который взял наши данные и сам привез нам вызов.

Лейтмотив этого отрывка – восхищение Западом. Несмотря на то, что большинство людей, с которыми Мария познакомилась на

описываемых встречах, были выходцами из СССР, она подчеркивает их «европейскую» внешность и «западное» поведение. Девушку привлекает дух свободы, который, как ей кажется, исходит от израильских посланников. Мария подразумевает, что и приходившие на встречу, и сами израильтяне были уверены, что истинной мечтой эмигрантов была Америка. Как и Анатолий, Мария признает, что ее представления об Израиле до эмиграции были оторваны от реальности. Анатолий постепенно примирился с переменами в своей жизни и занял более терпимую позицию в отношении Израиля: «нормальная страна, и люди нормальные, как и везде, только климат другой». Мария, напротив, растеряла свой первоначальный энтузиазм и смотрит на свое будущее в Израиле с изрядной долей пессимизма. Из интервью становится ясно, что она уже не считает Израиль ни «цивилизованной», ни «нормальной» страной. Особо обратим внимание на то, что эти прилагательные использованы в триплете с «европейской», и все вместе они образуют окказиональный синонимический ряд.

Как мы уже видели в нескольких отрывках, «Европа» часто функционирует как обобщающий термин, близкий по смыслу к тому, что Шохат и Стам называют «нео-Европой», включая в это понятие обе Америки, Австралию и ряд других развитых стран (Шохат и Стам 1994:1). Этот термин отражает убежденность наших современников в том, что европейская культура – это единый организм, питающийся от общих корней. Верхушка пирамиды может смещаться в сторону США, а затем снова возвращаться к Европе, явление, которое нетрудно проследить в представленных здесь отрывках.

Итак, эмигрируя в Израиль, наши информанты рассчитывали окунуться в западную жизнь, вернее в тот фантом, который они рисовали в воображении.

Мария П., 24

Все-таки страна была более зеленой, чем я себе представляла. И Кармель, и Бялик (Кирият-Бялик – пригород

Хайфы) – они очень зеленые. То есть, в принципе, я считала, что, во-первых, я живу в очень красивом месте. Мне нравилось, и, может быть, я этого даже не ожидала. Бялик больше напоминал Германию, потому что там жили выходцы из Германии. Такие домики с черепичными крышами.

До эмиграции Мария представляла себе израильские пейзажи пустынными и лишенными растительности. Больше всего она горевала о том, что не увидит в новой стране любимых ромашек: именно в этом пыталась убедить ее одна из провожавших семью знакомых. Приехав в Хайфу, один из самых зеленых городов Израиля, и сразу же обнаружив буйно цветущие клумбы с садовыми ромашками, Мария испытала облегчение. Семья поселилась в состоятельном районе и, хотя Мария никогда не бывала в Германии, соседство с выходцами из этой страны, которые и по сей день продолжают говорить между собой по-немецки, а также домики, напомнившие ей иллюстрации к сказкам братьев Гримм, убеждали ее, что новый для нее город напоминает Европу.

Городская архитектура является маркером Востока или Запада и в других интервью, и предпочтение обычно отдается Западу.

Лилия В., 22

Интервьюер: А какое впечатление на Вас с самого начала произвёл Израиль?

Лилия: Деревня. Первое впечатление – деревня. Я удивилась, что пальмы растут, и (пауза) дома (пауза) коробки. Никакой архитектуры после Львова. Ощущение ужасное. Я ещё спросила своего брата: «Где мы? Это город или это деревня?».

Интервьюер: Это что было?

Лилия: Это было между Тель-Авивом и между Бен-Гурионом и Натанией, мы ехали по дороге.

Интервьюер: Ну, там, наверное-таки были полудеревенские домики.

Лилия: Он мне сказал, что это город, это, это было (пауза) видимо, было возле города. Эти маленькие домики, ко-

торые, в общем, (пауза) впечатление ужасное от города, вообще тоже, от любого.

(...)

Интервьюер: И как вы теперь воспринимаете израильскую архитектуру?

Лилия: Восточная архитектура, совсем другая. Просто по-другому воспринимается. Она мне неродная. Я её не воспринимаю как красивую или какую-то. Наверное, в ней есть своё очарование, которое мне недоступно просто. Я люблю утончённые линии европейской архитектуры.

Лилия отрицательно оценивает восточную архитектуру, не имея о ней достаточного представления. То, что не нравится ей в израильских городах, представляет собой типовую застройку послевоенных десятилетий, когда молодая страна только начинала вставать на ноги. «Дома-коробки» не радуют взгляд в Израиле точно так же, как и в любом городе бывшего СССР, а также Восточной и Западной Европы. Все они появились приблизительно в один и тот же период и помогли решить актуальную задачу предоставления недорогого жилья массам населения. Таким образом, в суждениях Лилии происходит смешение пространственных признаков (архитектурные стили разных регионов) с временными (архитектурные стили разных периодов). Смешение пространственных и временных признаков в определении Востока и Запада – характерная черта эмигрантского дискурса. При этом Запад определяет ход времени, а Восток смещается в отсталость и прошлое.

Ирина Б., 70

Ну, то есть, это совершенно другой, другой мир, э-э это восточный мир, это совсем другой мир, э-э, это восточный мир, это совсем другая эпоха даже можно сказать. Как будто бы мы вернулись на несколько веков (*смеется*) – такое было впечатление.

В словах Лилии В. отчетливо проступает также презрение городской жительницы к деревне. В контексте всего высказывания

«деревня» приобретает пейоративные оценочные коннотации, именно этим словом определяется непривычный пейзаж и пока-завшиеся Лилии неприглядными пригороды Тель-Авива¹⁹. Такая оценка характерна для современного русского жаргона и просторечия. Город рассматривается как центр, а деревня как периферия. В целом, как отмечает Елена Березович, отношения между центром и периферией описываются в языке с позиции жителя центра, что отражается в коннотации таких топонимов как Камчатка, Конотоп, Сахалин, Тьмутаракань, Урюпинск, и т.д. Все они подразумевают глухие места, захолустье (Березович 2002: 61).

Следующая рассказчица, врач-пенсионерка, с огромным интересом знакомится с историей евреев и Израиля, хотя разница традиций европейских и восточных евреев ее не интересует. Она делит окружающих на людей Востока и Запада, но определяющим критерием ее классификации является не место происхождения, не религиозные обычаи, не язык, а тип поведения.

Галит Б., 60+

Интервьюер: Как Вы представляете себе Израиль, как Восток или как Запад?

Галит: Вот интересный вопрос. Однозначно сказать не могу. Это очень зависит от того, с кем ты общаешься. Когда я живу здесь в Ашкелоне, и вижу (пауза) израильтян, не буду говорить, какой национальности, (пауза) вернее, откуда, которые сидят на лавочке и щелкают семечки, и, простите, плюют на пол, грязь вызывая... Я понимаю, что я (пауза) на Востоке. И некоторые одежды, будем так говорить... Вот, когда я попадаю во... к своим друзьям или у нас есть друзья... Самое интересное, что муж совершенно случайно нашел своих школьных друзей, с которыми он прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Один из них здесь живет уже двадцать э-э семь лет. И, вот, когда мы приехали туда в Нетанию, и я увидела культуру поведения израильтян, я поняла, что я (пауза) на Западе, а не на Востоке. Поэтому я думаю, что это зависит от общества, которое меня

окружает, с кем я общаюсь, и-и в той форме я себя чувствую.

Как многие наши информанты, Галит рассуждает о Востоке не как о другом типе культуры, а как о полном ее отсутствии. При этом под культурой понимается лишь знакомство с литературой, музыкой и искусством, а также соблюдение принятых в обществе правил поведения. Более широкое понятие культуры, в которое входят религия и образование, наука и техника, традиции и обычаи, а также нравственные и моральные нормы поведения людей и государства, то есть, «то целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией» (Лихачев 1997: 427), в представлениях большинства русскоговорящих отсутствует. При этом, как справедливо указывает Бойм, культура в ее узком понимании превратилась в религию светских людей и стала отличительным признаком воображаемого сообщества, своего рода визитной карточкой аристократии от литературы, которую объединяют духовность и рафинированность (Бойм 1994: 103). О значении понятия «культура» для советского человека говорит и то, что в словаре языка «Совдепии», составленном Мокиенко и Никитиной, этому существительному и его производным посвящены 29 статей (1998: 298–302).

Галит связывает Восток с неряшливостью в поведении и со всем тем, что ей чуждо и несимпатично. Характерно, что с Востоком ассоциируется у нее и лузганье семечек, совсем не характерное для восточных евреев, но стереотипно считающееся любимым проведением досуга в русских деревнях. Семиотическая роль лузганья семечек в эмигрантском сознании подтверждается и публикациями в прессе. В одной из них, сокрушаясь о пагубном влиянии иврита и английского на речь и поведение иммигрантов, автор, в качестве примера приводит появившуюся в Израиле привычку обращаться на «ты» к незнакомцам и лузгать семечки (Гопман 2003).

Восхваляя западную модель поведения, Галит не дает ее описания, а лишь противопоставляет той, которая, по ее мнению, характеризует ее район Ашкелона. В Израиле она помещает символический Запад в Нетанию, хотя, как и в Ашкелоне, восточные евреи составляют значительную часть населения этого города. Галит несколько раз на протяжении разговора давала понять, что в качестве друзей она предпочитает «западных» людей, будь это такие же иммигранты, как она, или израильтяне-ветераны.

С Востоком ассоциируется не только неприятное поведение, но и израильский стиль одежды. В то же время информанты, приехавшие в Израиль с Кавказа и из Средней Азии, считают этот стиль грубым нарушением поведенческих кодов, принятых на Востоке.

Белка, 22

Белка: Ну, когда я приехала в Израиль, спустя, выйдя с самолета, я думала, что здесь люди выглядят намного иначе. Более светлые, более кучерявые волосы. Вид... я думала, что носят какие-то бальные платья, несмотря на то, что я знала, что здесь жарко. Ходили все полуголые, оборванные, оборванные джинсы.

Белкина бабушка: А для нас это дико.

Белка: Просто приехав из такого места, где носят паранджу и всякие разные... косыночки и приезжаешь в другую страну, где девушки ходят полуголые, закрывают только самые интимные места и ходят на улице, можно сказать, как в купальниках. Это было немного страшновато, и мои родители, когда это все увидели, они послали нас учиться в религиозную школу. Потому что думали что-то, что выйти на улицу – это страшно.

Как и Александр А. и София Е. (см. глава 3), Белка считает, что израильтяне излишне небрежны в выборе одежде и не подбирают ее в соответствии с ситуацией. Но, если Александр и София в качестве основы для сравнения выбирают официальный стиль, принятый сегодня во всем мире, Белка основывается на двух моде-

лях: детской сказочной (бальные платья) и традиционной мусульманской (женщина в парандже). Похвалу женской скромности, характерной по ее мнению для женщины Востока, и критику израильской «распущенности», пришедшей с Запада и проявляющейся в чрезвычайной оголенности, высказывает и двадцатичетырехлетняя Екатерина Р., которая выросла в Средней Азии и несколько раз говорит в интервью о различии гендерных ролей на Западе и на Востоке.

Еще категоричнее, чем Галит, осуждает восточное «бескультурье» Моисей В. Его мнение сложилось в результате шестилетнего стажа совместной работы с восточными евреями и проживания в двух городах Израиля. В обоих этих городах имеются большие общины евреев из Марокко, и как мы уже указывали в главе 3, отношения между ними и русскоговорящими израильтянами напряженные.

Моисей В., 74

Да, в плане того, что здесь, так сказать, восточные евреи. А мы все-таки выходцы из Европы. Да, это большая разница. Ну, хотя бы в культуре. У них, не говоря, что у них восточная культура... Я говорю: «Я согласен». Но у них, по моему, вообще культуры нет как таковой. Это что значит, восточная культура, европейская культура? В восточном направлении, люди, живите на здоровье, сохраняйте свои традиции. Но есть же культура единая. Например, нельзя же класть ноги на сиденье автобуса детям. Это – везде. Это одна культура, правильно? Что в Европе, что здесь должно быть также. А им в школе об этом не объясняют. От них родители этого не требуют, потому что родители тоже учились в такой же школе. И преподают им такие же преподаватели, которые закончили курсы. И больше ничего. Вот. Теперь вот это незнание детей, что надо взрослым уступить место в автобусе. Что это такое? В школах вообще не дают этики поведения, совершенно. Отсутствует, по моему, у них культура, на нулевом цикле застыла в этом плане. Вот. А то, что они не воспринимают, допустим, многие европейские,

там, музыку... Это другое дело. У них – своя музыка. У нас – своя музыка. Но они много, много европейских песен сейчас вот, из российских и других. Они, им нравятся эти песни. Они сейчас стали их уже петь. Многие научились немножко по-русски говорить. Вот. Потому что общаются с нами часто. Вот. Научились по-русски говорить более или менее. Ну, я не скажу, что они все, так сказать, необразованные. Но в большинстве своем да, действительно, они необразованные люди. Особенно выходцы из Марокко. Очень необразованные, очень. Но вот это, эмоции у них прямо выплескивают из них. Вседозволенность, особенно для детей, это меня вообще шокирует и удивляет. Им позволено все! Абсолютно все. Вот. Я этого не понимаю. Распушенность страшная. Например, им позволено орать хоть до утра. Пусть люди спят, отдыхают, они не знают этого предела. Они могут орать под окнами все, что хотите. Вот. Дальше, мне не нравится... Я недавно слышал, что в Кнессете даже рассматривался вопрос, можно ли ребенка шлепнуть по заднему месту? Это что за вопрос такой? Я понимаю, они имеют в виду, что, мол, издеваться над людьми. Это одно. Это совсем другое дело, что издеваться или воспитать его. Вот. В России, например, такого вопроса не существовало. Врезал ему, ну, он сразу понял. Я, конечно, был не сторонник этих методов жестких, так, драконовских, но иногда можно было приложить, не сильно, конечно, но он должен это понять.

В этом отрывке, как и в других интервью, мы сталкиваемся с неприятием того, что существуют разные культуры и разные нормы поведения²⁰. Хотя Моисей бескомпромиссно считает стандартом поведения и воспитания европейскую модель, его знакомство с Европой ограничено Россией и знаниями о других европейских странах, почерпнутыми из литературы и СМИ. Приветствуя на словах западные свободы, многие иммигранты не желают примириться с менее авторитарной, чем в России, системой воспитания и часто жалуются на недостаток дисциплины в израильских семье и школе. И этот изъян Моисей приписывает восточному влиянию. Зная правила политкорректности, он провозглашает необходи-

мость быть терпимым к другим, но неловкие попытки показать уступчивость лишь подчеркивают непреклонность его позиции. Основания для оптимизма ему удастся найти лишь в иллюзии, что русский язык и русская культура, в конце концов, станут ведущими в Израиле. Не вызывает сомнения то, что находящиеся в постоянном контакте культуры не могут оставаться непроницаемыми для взаимовлияния. Но, по мнению Моисея и многих других интервьюируемых, влияние должно быть односторонним. Убежденность в преимуществе своего образа жизни и имперские замашки по отношению к окружающим этносам не покидают бывших советских граждан и спустя десятилетие после распада сверхдержавы (подробнее см. Еленевская, Фиалкова 2004б).

И в сознании израильтян-ветеранов, и в представлениях иммигрантов различные израильские города ассоциируются с восточным или западным влиянием, но и внутри города районы подразделяются по тому же признаку.

Борис П., 50 и Инна П., 49:

Интервьюер: А как вы воспринимаете Израиль – как западную или как восточную страну?

Борис: Ну, конгломерат такой, значит, часть западный, часть восточный.

Инна: А я, лично, не могу напрямую сказать, что это за страна – восточная или западная. Но здесь так все перемешалось. Это, выйдите на Кармель, выйдите вот сейчас, вот, на Кармель (фешенебельный район Хайфы). Ну, это же Европа, это же Европа. Там же, ну, все идут, это же наши идут. Все наши идут, а, это самое, спустись на пляж, уже там больше, вот, марокканцев, это самое. Туда немножко в сторону уйдешь, там – эфиопы. Ну, как-то э-э, здесь арабы. Ну, на этом, вниз в Хайфу спустишься (по-видимому, Инна имеет в виду канатную дорогу, соединяющую район Кармеля с нижним городом, где расположены мастерские, маленькие магазинчики и рынки), там арабы ходят: тыр-тыр-тыр, дыр-дыр-дыр. И как-то, ну, совершенно не знаешь эту страну. (...)

Борис: Все это Восток, но который потихоньку идет на Запад.

Этот отрывок воспроизводит бытовавший в советскую пору стереотип капиталистического города контрастов. Здесь эти контрасты ассоциируются не только с социально-экономическим положением жителей, но и с этнической пестротой. Богатые и бедные районы противопоставляются как «западные» и «восточные». Причем для Инны западные люди, европейцы – это, прежде всего, выходцы из бывшего СССР, «наши». Инна ошибается в своей оценке, и пока что рано говорить о том, что иммигранты 90-х в массе своей обосновались в состоятельных «западных» районах. В большинстве своем они живут в менее престижных старых районах или в новостройках и часто соседствуют с восточными евреями, чей социально-экономический статус все еще заметно уступает статусу европейских евреев (см. Цфадия 2000), но, как и другие жители Хайфы, наши соотечественники любят проводить досуг в тенистых садах и на променадах Кармеля. Неверно было бы сказать, что дорогие районы города закрыты для восточных евреев, но в представлении наших информантов тот, кто смог «подняться» на Кармель, в значительной мере теряет восточные черты.

Израильские демографы обратили внимание на то, что, выбирая место жительства, эмигранты из бывшего СССР принимали во внимание не только доступность жилья, но и близость к родственникам и друзьям. Это соображение оказалось особенно важно для выходцев с Кавказа и из Средней Азии.

В качестве устойчивого символа Востока в нашем материале выступает «базар». В отрывках, которые приводятся ниже, информанты пользовались тремя разными словами для обозначения этого понятия. «Рынок», «базар» и ивритский «шук» – все они выступали как метонимия для обозначения Востока. Антропологи Резник и др. также подметили, что в отрицательных высказывани-

ях эмигрантов из бывшего СССР об Израиле часто встречаются сравнения его с шумливым и хаотичным базаром (2001: 437, 440).

В современном русском языке значения «рынка» и «базара» совпадают лишь частично. Слово «рынок» возникло в верхне-средне немецком, где оно обозначало «круг», «площадь». Русский язык заимствовал это слово из польского и чешского, в которых оно обозначало «городскую площадь» (Фасмер. Т. 3, 1971: 530). Слово «базар» пришло в Россию из фарси и тюркских языков и широко вошло в обиход благодаря популярности «Тысячи и одной ночи» (Фасмер. Т. 1, 1964: 105–106). Общий семантический компонент этих слов – «процесс розничной торговли и отведенное для этого место под открытым небом или в специально отведенных для этого крытых помещениях». Толковые словари фиксируют также и семантические различия, одно из которых актуализируется в анализируемых текстах. В разговорной речи «базар» употребляется в значении «беспорядочного говора, крика, шума» (Евгеньева 1981: 55; 1984: 746). Сходное значение зафиксировано также в жаргонном сочетании «базар-вокзал» (Щуплов 1998: 93). Причем второй компонент также связан с шумом и неразберихой, а потому усиливает стилистический эффект его употребления. Географическая распространенность этих слов неоднородна. Например, жители Москвы и Петербурга преимущественно ходят на «рынок», а ташкентцы и тираспольцы на «базар». Во Фрунзе покупки делают на «Центральном базаре» и на «Аламединском рынке», а в Киеве на «Бессарабском рынке» и на «Владимирском базаре». Киевляне старшего поколения все еще называют один из районов города «Евбазом», сокращенно от «Еврейского базара», хотя сам рынок был закрыт десятилетия назад. Название «Евбаз» сохранилось в анекдоте:

– Какой из советских городов увековечил память войны евреев за независимость?

– Киев. Переименованием Евбазы (Еврейского базара) в площадь Победы.

(Штурман и Тиктин 1987: 487).

Анекдот этот появился в 1948 г., когда образовалось государство Израиль, и обыгрывает истинную причину переименования района (победа в Великой Отечественной войне, а вовсе не победа евреев, вновь получивших свое государство).

В наших интервью не только «базар», но и ивритское слово «шук» обозначает шум и неразбериху. Дрейзин справедливо указывает на обилие пейоративных коннотаций в словах, обозначающих торговлю и собственность (например, торг, торговка, торгаш). Они часто используются для обвинения в нечестности, мелочности и алчности. А для обозначения жадности и скупости в жаргоне часто используется слово «жидиться» (Дрейзин 1990: 5). В русской литературе и фольклоре евреи часто ассоциируются с мелкой торговлей. После революции 1917 г., когда была аннулирована черта оседлости, и евреи получили доступ к образованию, массы еврейской бедноты двинулись в города и пополнили ряды служащих. Тяга к образованию среди еврейского населения оставалась высокой на протяжении всего советского периода, несмотря на появление в последние десятилетия негласных квот. Потомки «мелких торговцев» создали новый автостереотип: типичный еврей стал инженером, врачом или учителем. Вместе с другими советскими людьми евреи недолюбливали «торгашей» и не скрывали презрения к ним. В обновленном репертуаре этностереотипов эта роль отводилась жителям Кавказа и Средней Азии. В Израиле одной из наиболее употребительных характеристик чужака с востока стало выражение «базарные люди»:

София Ф., 27

Люди мне показались э-э, люди на улицах такие, как у нас на базаре и то не на каждом. И это меня шокировало.

Дмитрий Н., 53

Интервьюер: А свои самые первые впечатления помните?

Дмитрий: Помню. Когда прилетели в Бен-Гурион (центральный аэропорт Израиля), я как посмотрел на эту гудящую толпу брюнетов, то мне сразу вспомнился наш рынок, который назывался русским, но торговали там исключительно лица южных национальностей.

Инна Х., 52

Инна: Они нервничали, но никто не сказал: «Ой, Инна, остановись, ты делаешь глупость!» Как бы просто опять же побоялись взять на себя. Настасья все пыталась мне объяснить, что это – не Запад, а Восток, что «учти, ты едешь на Восток». (...)

Интервьюер: Инна, а как Вы думаете, почему, вот, они, когда пытались вас, ну, так осторожно отговаривать, то аргументом было то, что «ты не думай, это Восток?»

Инна: А то, что Настасья знала, что я человек не, не базарный. Вот все-таки Восток...

Вероника Г., 61

Интервьюер: Скажите, Вы себя ощущаете, вот в Израиле, на Востоке или на Западе?

Вероника: Смотря, куда я когда попадаю. Если на *шук* с этим криком и шумом, точно Восток. Вот. Если идешь куда-нибудь сюда, в театр, предположим, так, конечно, это больше как-то цивилизованно. Как на Западе. Но, как на Западе, я себя редко ощущаю здесь. Собственно, я уже и не знаю, что такое Запад, честно Вам скажу.

Итак, базар, воплощающий Восток, заставляет наших информантов чувствовать себя неуютно. Как и театр²¹, базар указывает на социальную стратификацию посетителей. Но и противопоставляя «нецивилизованный» Восток «цивилизованному» Западу, некоторые интервьюируемые выражают сомнение в том, что Запад им по душе. Например, прожившая в студенческие годы на Западе Инна Х., говорит о его холодности и отчужденности, а никогда не бывавшая там Вероника Г. растерянно признается, что не понима-

ет, что стоит за этим словом. Таким образом, мы видим, что фантомом для многих является не только Восток, но и Запад.

В отличие от Софии, Дмитрия, Инны и Вероники, живших на европейской территории СССР, Анна и Борис Н. – родом из Ташкента, и в их отношении к Востоку значительно больше терпимости и понимания.

Анна Н., 59 и Борис Н., 59

Интервьюер: Вот вы приехали из Ташкента, и в Советском Союзе всегда Ташкент и Узбекистан воспринимались как Восток. И вы ехали в Израиль. У вас было представление, что вы едете с Востока на Восток, с Востока на Запад? В этом смысле, что вы думали?

Анна: Когда я в 96-м году была, все-таки мне показалось, что Израиль – больше Восток (*пауза*), стремящийся, стремящийся на Запад, вот такое, с таким я приехала ощущением. Но сегодня я бы так сказала (*пауза*), может быть, он даже ни Восток, ни Запад. Он, наверное, что-то свое, Израиль.

Борис: Культурный Восток, я бы назвал его культурный Восток.

Анна: Нет, сейчас у меня нет такого ощущения – Востока или Запада.

Борис: Нет, это именно Восток, но все-таки город восточный, все-таки город восточный.

Анна: Ну, это у Бори, значит, а у меня нет такого ощущения.

Борис: Да, базар тебе уже говорит, что это ВОСТОЧНЫЙ город, особенно его видно на Востоке.

Анна: Возможно. А базар – это вообще Восток.

Борис: Нет, ну почему? Базар, базар – ты можешь и на Преображенский рынок сходить тоже в Москве.

Анна: Ну, базар типичен для Востока. Там рынок, там Преображенский рынок. Ты сказал «базар», а там ты сказал «рынок».

Борис: *Шук*, он везде *шук*.

Анна: Шумный базар – это Восток.

В этом отрывке звучит часто повторяющийся в наших интервью мотив: поворот к Западу дается Израилю нелегко, это требует от страны определенных усилий (см. приводившиеся ранее в этой главе высказывания Эммы Р., Григория Г. и Бориса П.). Борис называет Израиль «культурным Востоком», подразумевая под этим, что Восток, по определению, некультурен. Как и Моисей В., Анна и Борис убеждены, что последняя волна эмиграции из СССР изменит лицо Израиля, и улучшения будут связаны с преобразованиями западного образца. Свой вклад эмигранты видят в приверженности к европейским нормам поведения, любви к западному искусству и литературе, стремлении к образованию и высоким профессиональным стандартам. Их рассуждения напоминают дискурс «англосаксов», проанализированный антропологом Раппортом. Его собеседники видели корень всего, что раздражает их в Израиле, в восточной, левантйской ментальности. Несмотря на многочисленные разочарования, они были убеждены, что смогут изменить стиль жизни своих новых соотечественников, повысить производительность труда и качество работы и служить примером в деловых вопросах (Раппорт 1998: 75).

Анастасия Л., 50

...это страна *шлеперов* и для *шлеперов*. (...) То есть, здесь не нужно думать о галстукe, не нужно думать, там, о глаженных брюках, о... То, что близко мне, скажем так, предположим. И то, на что смотрят в Америке: как ты выглядишь. И ты должен в определенном магазине там покупать. Здесь, в общем-то, абсолютно плевать, как ты выглядишь, как ты поступаешь. И Лёне это очень подходит. Очень. И он очень вписался. Понимаешь? Ну, я, в общем, тоже можно сказать, понимаешь, как-то. А я продолжаю свою европейскую линию. Но опять же... потому, что приехала такая *алия*. И я считаю, что мы повлияли на местное население. Потому что сегодня местное население, им... Даже марокканцы ходят в галстуках на работу!

Как и многие информанты, Анастасия свысока отзывается об израильтянах. Неряшливость не только в одежде, но и в поведении представляется ей основной чертой страны, противоречащей европейскому стилю жизни и требующей искоренения. Противопоставляя себя «местному населению», иммигранты, которые стремятся «перевоспитать аборигенов» проявляют черты завоевателей-поселенцев. Ранее эта роль в обществе принадлежала элите из европейских стран, с удивлением обнаружившей, что воспитуемые стремятся поменяться местами с воспитателями.

В нашем материале восточная ментальность и обычаи представляются также источником болезней общества, таких, например, как наркомания.

Владимир К., 73

(рассказывает о том, что во время BOB эвакуировался в Узбекистан)

Владимир: В пятнадцать лет я пошел работать на завод. Жил я в такой сравнительной глубинке, не самой глубине. Так что чуть-чуть какой-то запах Азии, какие-то такие, я не знаю. Что-то такое, менталитет какой-то я обрел. Небольшой опыт жизненный.

Интервьюер: И как Вы это определили? Как Вы определяете азиатский восточный менталитет? Это мне очень интересно.

Владимир: Ну, это, наверное, я не знаю, это сложно. Есть внешние признаки. Ну, это очень примитивно. Внешние. Я понимаю, что это ужасно примитивно, даже под слово «менталитет» не подходит. Это, просто, ну, черты характера, я не знаю...

Интервьюер: Поведения?

Владимир: Поведения, да. Горячность такая, раскованность чрезмерная, там, громкий разговор, там (неразборчиво). Сперва смущал, там, это. Ну... как? Здоровканье. Ну, в общем, когда встречаются, при встрече.

Интервьюер: Приветствия.

Владимир: Да, приветствуют друг друга длинно. Это все понятно-то, но это как раз не мешает жить. Это не мешает жить.

Интервьюер: А какие у Вас отношения с узбеками были в детстве?

Владимир: Дело в том, что я работал на заводе почти... Значит, в сорок втором я приехал в Узбекистан. И в сорок пятом я уехал. По сути, да, я все время работал. А работал я в русской бригаде. И завод, конечно, в основном, конечно, он на русских держался. Узбеков там очень мало, и узбеки были на нижних должностях. Кто работал... Вот я работал в механическом цехе. Я сперва работал строгальщиком, потом слесарем. В бригаде, где пацанов было пять. Бригадиром был дядя Вася, который был освобожден от армии. Это все были русские. Ну, и весь цех: начальник, зам. начальника. (...) Вот, а так, что, с узбеками контакты были весьма маленькие. А вот наблюдал, да. Очень много. Наблюдал, да. И знал, что там царствует анаша; знал, что где-то там у базара есть потайная курильня. Даже пробовал раз, два... с узбеками.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, вы представляли себе восточность Израиля по аналогии с Узбекистаном?

Владимир: Нет, ну, я уже зрелый человек. Я понимал, что все по-разному. Нет, конечно. Нет. Нет. Так я себе представлял, как я сейчас ощущаю. Мои оценки позже, они, они, ну, если можно так выразиться, более глубоко азиатского понимания. Э-э, понимания азиатской сущности здешней.

Интервьюер: Это очень интересно. Например? Если можно, конкретно.

Владимир: Ну, очень часто, вот, внешне, на улице это не видно. Это видно. Ну, смешно, это не оценочно. Ну, на базаре видно. Вот стоит и наторговывает. Это, ну, открывается самый настоящий Восток. Нет, азиатчина – это не ругательство, между прочим. Упаси бог! (...) Значит, насчет Азии, ну, я оставил почти необъясненным...

Интервьюер: Это просто очень интересно.

Владимир: Ну, одежда, ну, еда, ну разговор. Потом, я убежден был, что здесь наркотик должен царствовать. Ну,

как это? В Узбекистане было это, я считал это принадлежностью Востока. Я думаю, что я не ошибся. Под нашим домом, здесь, собрание почти каждый вечер. Я с ужасом на днях сказал: «Кто будет в армии служить?» Потому что это очень цветущие молодые люди от двадцати до тридцати. Очень цветущие, рослые. Но они все доходяги. Они, как после блокады, истощенные. Вот.

Зародившаяся в США политкорректность проникла и в дискурс израильского общества как декларируемый принцип, однако у значительного числа израильтян остается пока лишь на уровне рассуждений. Именно этот контраст собственных убеждений и принципов, провозглашаемых обществом, демонстрирует Владимир. Рассуждая и об узбеках, и об израильтянах, Владимир воспринимает их как чужаков низшего ранга. Неоднократно осуждая нетерпимость и поверхностность в суждениях о других, он повторяет все знакомые стереотипы Востока: горячность темперамента, велеречивость, склонность к торгашеству и неспособность идти в ногу с модернизацией общества. Интересны образы Ташкента, сохранившиеся у него с подросткового возраста. Действительно ли узбеки на заводе, где он работал, были только на низших должностях, или это плод воображения рассказчика, но такое распределение ролей кажется Владимиру вполне естественным. Представляя Восток как Мекку для наркоманов, он опять делает перенос обрывочных подростковых впечатлений на израильскую действительность. Слухи и поверхностное знакомство с «потайной курильней» на ташкентском базаре и «цветущими доходягами», собирающимися возле его дома в Ашкелоне, оказываются достаточными для глобальных обобщений. К таким же обобщениям склонна и израильская публика. Под влиянием публикаций в СМИ эмигрантов из бывшего СССР многие считают виновными не только в распространении пьянства и проституции, но и наркомании (Джонс 1996: 146).

Стереотипы Востока и Запада, демонстрируемые рассказами наших информантов, поддерживаются русскоязычной прессой. Как

мы уже указывали в главе 3, дискуссия о столкновении христианско-иудейских ценностей с ценностями ислама, а также аналогии между положением России и Израиля усиливаются в моменты активизации террористических действий палестинцев, которых называют «чеченцами Ближнего Востока»: «...России и Израилю суждено защищаться от наступления исламской цивилизации», считают журналисты, а тех, кто не усматривает аналогии между событиями в Афганистане, Чечне, Нью-Йорке и Израиле предупреждают, что такое легкомыслие сродни преступлению против собственного народа (Бриман 2001: 11–12; Шаус 2002: 7; Чернов 2002:9). Страх перед проявлением слабости звучит в большинстве публикаций, направленных против сторонников мира из левого лагеря. Такой взгляд на отношения с соседями высказал в одном из газетных интервью председатель партии «Наш дом – Израиль», Авигдор Либерман. Интервью было озаглавлено «На Востоке нельзя быть слабым» и в нем содержится резкая критика политики «слабости, компромиссных решений и постоянного выжидания» (Зайчик 2002: 4). Именно за жесткость позиции по отношению к соседям этого политика поддерживают многие русскоговорящие израильтяне.

Было бы упрощением считать, что все эмигранты из бывшего СССР строят свое отношение к Востоку на основе отрицательных стереотипов, недоверия и нетерпимости. Некоторые информанты опираются на воспоминания о детских сказках (например, Роза Ч. и Инна Ф.), другие отождествляют себя с Востоком, так как выросли среди носителей восточных культур, третьи обладают достаточной широтой взглядов, чтобы искать в соседе привлекательные стороны, а не изъяны. Так, Дана Л., считает, что строгость и многочисленные запреты, на которых строилось ее воспитание до эмиграции, лишь принесли ей вред. Она противопоставляет их израильскому кодексу поведения, который, по ее мнению, основан на восточном гостеприимстве и радушии.

Дана Л., 23

Но тут, вы знаете, все равно в большинстве своем, я считаю, что тут люди лучше, чем там. Более добрые, более... Мне вообще больше нравится вот этот, вот эта восточная гостеприимность. Например, в России считалось хорошим тоном отказаться от еды, а тут это страшная обида.

Эмигрируя с родителями в Израиль, ровесник Даны, Владислав, мечтал окунуться в западную жизнь. Десять лет спустя он не жалеет о том, что мечты его оказались иллюзорными. Как и Дана, он подчеркивает теплоту и открытость Востока.

Владислав В., 29

Интервьюер: Как вы себе представляли Израиль: как Запад или как Восток?

Владислав: Как Запад. Это было тоже, где-то в своем роде разочарование, потому что я не ожидал, что здесь так, в такой степени превалирует Восток. Сейчас я к этому привык и в какой-то мере даже рад, мне это ближе. Раньше я этого не понимал. Я не люблю чисто западное общество.

Интервьюер: Как Вы определяете Восток и Запад? Я не имею в виду географически.

Владислав: Я понимаю Вас. Восток и Запад – это, прежде всего поведение, как себя ведут люди. Вот. То же самое, то же самое о культуре. Там, допустим, та же самая грязная улица, люди сорят на улице или нет. Или, вот, допустим, то, что происходит сейчас (имеет в виду Интифаду). Я считаю, что в более цивилизованном обществе вот этих вещей меньше.

Интервьюер: Но вы говорите, что Вам приятнее Восток. А что приятнее Вам в Востоке?

Владислав: Они ближе, они... Запад, хотя он и кажется таким вот благополучным, но там все как бы скрытно. Понимаете, люди за пазухой что-то держат. А здесь восточные люди, они более открыты. Я этих людей больше люблю, я не люблю скрытных людей.

Как мы могли убедиться, черты, приписываемые Востоку, могут раздражать или завораживать тех, кто знаком с его традициями лишь понаслышке. В отличие от большинства процитированных информантов, Гаяне А. провела большую часть жизни в Ташкенте. Она знает и с большим уважением относится к культуре узбеков и такую же открытость проявляет, знакомясь с новыми соотечественниками. Склонная к рефлексии и анализу, она часто проводит параллели между жизнью в России, Узбекистане и Израиле. Хотя по своему воспитанию и роду профессиональной деятельности (филолог-англист) она впитала русскую и западноевропейскую культуры, она высоко ценит многие проявления восточной культуры.

Гаяне А., 77

Ну, э-э, теперь дети. Это я и здесь наблюдала. Вот я бывала, я была на свадьбе у израильянина. (...) И вот я смотрю – там дети бегают. Они никого не (*пауза*) раздражают даже, если они кричат. (...) А вот я наблюдаю на почте. Вот он (ребенок) орет и что-то там. Мать может обращать внимание, не обращать внимание. Никто из э-э очереди, скажем, не реагирует на это. Единственно, кто-то может э-э пытаться его занять как-то. Но чтобы выражали недовольство: мешает там, то-другое, этого нет. То есть полная терпимость к израильским детям. Такая же полная терпимость к узбекским детям. Э, чужой ребенок, свой ребенок – он идет, он его возьмет, он его приласкает, он его приголубит, даст шоколадку и отправит. Это у них одинаково. Э-э, конечно, у русских, в России этого не наблюдала. (...) Э-э, теперь вот восточная такая э-м-м, необязательность, э-э в смысле времени. Э-э, неделовое отношение ко многим вещам, э-э, не так как я привыкла читать и видеть на западе, когда я там бывала. И, оно, конечно, типично для израильтян и не типично для эмигрантов-репатриантов. И опять много случаев. Вот недавно в очереди к врачу. Русские-эмигранты, то есть возмущались тем, что приходится ждать э-э, там 40 минут после времени, которое им назначили. Израильтяне сидели совершенно спокойно. Может быть, они просто были спо-

койны, может быть, они никуда не торопились. Может, эта женщина торопилась куда-то, я не знаю, но она кипела вся. Эти сидели совершенно спокойно. То же самое в автобусах. Это меня восхищает, когда пожилые люди задерживают движение тем, что медленно входят и медленно выходят. Или идет женщина с ребенком, с коляской, с вещами. И тоже она, естественно, задерживает автобус. Никого это не возмущает. Но тут, правда, и русскоязычные евреи или, как их уж назвать, они тоже сидят спокойно. И водители часто помогают этим людям, и-и, совсем не беспокоясь, о том, что он задерживается. Все, по-моему.

В этом отрывке Гаяне касается нескольких поведенческих моделей, которые обсуждались в этом разделе. Хотя она и не любит необязательности и непунктуальности, она готова признать, что после непрекращающейся гонки и конкуренции западных городов, можно найти много преимуществ в неспешном ритме и терпливости, типичных для Востока. В отличие от большинства наших информантов, культ детей, царящий в Израиле, не раздражает Гаяне. Привычная к терпимости по отношению к детям в Узбекистане, она видит в открытом проявлении любви к детям широту души и доброту. Как и другие выходцы с Кавказа и Средней Азии, Гаяне считает почитание старших, принятое на Востоке, чертой, достойной подражания. Не только пожилые люди, чьи симпатии в отношении этой традиции могут диктоваться соображениями собственной выгоды, но и люди среднего возраста и молодежь, считают ее краеугольным камнем восточной культуры и выражают озабоченность, когда обнаруживают признаки ее вырождения.

Все приведенные в этом разделе высказывания противопоставляют Восток и Запад и как будто подтверждают слова Киплинга:

«Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись».

И все-таки в заключение мы хотим процитировать еще одного информанта, который убежден, что Восток и Запад могут мирно уживаться, не перемешиваясь и не мешая друг другу, а Израиль только выиграет, если предоставит возможность своим гражданам сохранить этническую самобытность.

Леонид Л., 50

Леонид: На Израиль я смотрю как на место своего жительства. Я не задумываюсь, это Восток или Запад. Конечно, больше по тому уровню развития страны, это больше относится к восточной. По жизненным представлениям, по понятиям, по характеру людей – это Восток. Понимаешь? И даже в этой восточной стране есть элементы западной страны, можно найти. Все зависит от того, как ты живешь и в какой среде. Можно жить по западному образцу, а можно жить по-восточному в этой же стране. Я так широко не смотрю на Израиль как единую общность людей, как единое государство. Нет. Мне кажется, здесь общности никакой не существует. Каждый живет... кто привык жить на западе – тот живет по западному образцу. Кто жил на востоке – тот живет по восточному укладу. Такая смешанная страна.

Интервьюер: А вообще, вот то, что вот раньше пытались, очень сильно в политике присутствовало, что это плавильный котел, чтобы все перемешалось. Как вот ты к этому относишься?

Леонид: Это все равно нельзя, все равно нельзя всех перемешать. Нельзя, например, меня перемешать с *этиопами*, пол-эфиопа вместе. Лёня – эфиоп же не получится, так не будет никогда. И всех перемешать невозможно, в общем. Потому что нету такой общей народности, израильтян. Существуют этнические группы, и они как существовали, так и будут существовать.

Примечания:

¹ Частично материал данной главы опубликован в следующих работах: Еленевская и Фиалкова 2002; Фиалкова и Еленевская 2004.

² Еврейский календарь был создан Гилелем II и существует с VI века.

³ Благодарим Гасана Гусейнова за справку об истории этого сокращения.

⁴ Привычка избегать слово «эмиграция» стала темой еврейских анекдотов. Приведем один из них, строящийся на аллюзии на популярную в 1960-е и 1970-е годы песню А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Помните, каким, он парнем был?», посвященную памяти Юрия Гагарина: «В Израиле собираются поставить памятник Юрию Гагарину, потому что именно он первым сказал: «Поехали!» (Magazine, 20 ноября 2003: 32).

⁵ Надо отметить, что у Софии Ш., так же, как и у некоторых других информантов, восприятие места, являющегося домом, амбивалентно. В приведенном здесь отрывке Москва предстает как ее дом, но в другой части интервью она рассказывает о короткой поездке в Москву и о том, что, оказавшись в Шереметьево перед отлетом, порадовалась тому, что возвращается домой, в Израиль.

⁶ Психометрический экзамен тестирует логическое мышление, вербальные навыки и знания по математике и английскому языку у выпускников средней школы. Результаты этого теста являются основным критерием отбора абитуриентов.

⁷ Оба эти термина позаимствованы у Голда, 1980: 117–123.

⁸ Пример этого находим и в работе антрополога Дворы Гольден. Она пересказывает воспоминания одного израильского писателя о том, что до иммиграции его отец мечтал о том, что Палестина окутана сиреневатой дымкой, и что его встретят ароматы такие же сладкие, как в самом красивом парке Багдада. Очутившись в Израиле, он столкнулся совсем с другой реальностью: кругом были пески, палатки и перевалочные лагеря. Мечта отца разбилась (Гольден 2002). Обратим также внимание на то, что пространственные образы в этом отрывке ассоциируются с памятью сенсорных впечатлений.

⁹ В 1950 г. в Израиле был принят закон об имуществе отсутствующих владельцев, исправленный в 1967 г. - *хок нехасей нифкадим*

¹⁰ Подробно о культурно-обусловленных компонентах значения цветов см. Белов 1988 и Сорокин и Марковина 1988.

¹¹ Страх перед «отъездом навсегда» мучил не только взрослых, но и подростков. В приведенном ниже отрывке рассказчица выделяет слова, обозначающие время и пространство и выражающие необратимость и одновременно неопределенность эмиграции.

Симона К., 23

Из отъезда я помню, в основном, очень напряженное такое состояние. Я помню, что я очень не хотела уезжать навсегда, для меня это было ужасно, одно восприятие **навсегда**. (...) Я очень ярко помню, что я лежала на полу и рыдала. Причем рыдала не от того, что мы уезжаем, например, или, там я никогда не увижу свою подругу, нет, я рыдала оттого, что мы едем в **никуда**.

¹² Весной 2004 г. информационной бомбой стало сообщение газеты *Иедиот Ахронот* (Последние Новости) о том, что 50000 эмигрантов из бывшего СССР вернулись в СНГ. Учитывая, что по официальной статистике с 1989 по 1999 гг. в Израиль прибыли 835410 эмигрантов из бывшего СССР (<http://www.moia.gov.il>), цифра эта сравнительно небольшая и эмоциональная реакция газеты представляется преувеличенной. Однако помимо тех, кто действительно эмигрировал в США, Канаду и другие страны или вернулся в СНГ, есть еще и потенциально готовые к повторной эмиграции. Так, 14 апреля 2004 г. в портале Интернета «Союз» начался опрос «Вы хотите уехать из Израиля?» К 9 августа 2004 г. в нем приняли участие 3837 интернет-пользователей. Их ответы распределились следующим образом:

Да, у меня есть возможность уехать	– 23%
Хочу, но не могу	– 35%
Начал задумываться об этом	– 17,1%
Нет	– 24,9%

Таким образом, те, кто и не помышляют об эмиграции, находятся в меньшинстве. Отметим, что в дискуссии по этой теме за тот же период

зафиксировано 387 сообщений и 6,632 просмотра. Участники дискуссии в целом менее склонны к тому, чтобы покинуть Израиль, чем участники опроса.

¹³ Дубин приводит результаты общенационального опроса, проведенного в 1999 г. ВЦИОМом. На вопрос «Где на Ваш взгляд, проходит восточная граница Европы?» 37% опрошенных ответили, что затрудняются с ответом; 29% выбрали ответ «по уральским горам», 12% – «по западной границе России»; 16% – «по западной границе бывшего СССР» и 6% – «по западной границе Польши, Чехии, Венгрии (Дубин 2001:158). Не сомневается в существовании символической оппозиции Восток–Запад в сознании бывших советских граждан и географ Каганский. Он также указывает на широту диапазона представлений о границе Востока и Запада – от Великой Китайской Стены до Днепра и объясняет это тем, что членение пространства на области гораздо менее проблематично, нежели положение и статус границ, которые выражают это расчленение (Каганский 2001: 531).

¹⁴ Вымысел, как основной компонент рассказов о странствиях, был характерной чертой и западной словесности. Сардар утверждает, что именно в этом коренится предвзятое отношение к Востоку: «Канон в изображении Востока развивался под влиянием умозрительных предположений, воображения и сочинений, написанных в разных жанрах теми, у кого никогда не было прямых контактов с Востоком, а лишь знания, почерпнутые из книг. Книжки, беседующие с книгами, упрочили искаженное воображение знатоков-невежд и легли в основу западного самосознания и информационного репертуара» (Сардар 1999: 25).

¹⁵ Появившиеся в последнее время попытки дать другую интерпретацию этим историческим событиям (см., например, Гудзенко 2001: 15–23.) никак не влияют на отношение к нему обывателей.

¹⁶ Уважению к трудолюбию, дисциплинированности и рациональному взгляду на жизнь жителей Запада в России всегда сопутствовала некоторая презрительность к отсутствию импульсивности и способности отдаться чувствам и страстям. Приведем лишь два примера, в которых высмеиваются одни и те же качества человека западной культуры. Аполлон Аб-

леухов в романе Андрея Белого «Петербург» и викарий Дьюли в повести Евгения Замятина «Островитяне» высмеиваются за то, что распорядок жизни у них строго организован и педантично соблюдается, не допуская случайностей и неожиданностей (Белый 1981; Замятин 1989). Характерно, что российские эмигранты, живущие в разных странах Запада, жалуются на то, что им пришлось отказаться от привычки приходить в гости к друзьям и знакомым без приглашения, а просто так, когда захотелось. Есть такая жалоба и в нашем материале. Двадцатидвухлетняя Белка, выросшая в Дагестане, вспоминает, как хорошо было, что в Советском Союзе гостя всегда встречали радушно и находили для него время, даже если он являлся в неурочный час. Она искренне огорчена тем, что в эмиграции ее соотечественники утратили этот обычай и ведут себя так, «как будто их ледяной водой облили».

¹⁷ Приведем пример того, как ненавязчиво могли влиять кинофильмы на возникновение отрицательного стереотипа Востока. В популярнейшем фильме Леонида Гайдая «Кавказская пленница» все отрицательные герои говорят с усредненным кавказским акцентом. Все положительные, включая главную героиню, олицетворяющую новую женщину Востока, говорят на безупречном русском языке.

¹⁸ В интервью газете «Московские новости», упоминая этого героя, Солженицын прямо указывает на то, что Цезарь Маркович – еврей. Более того, он с сожалением говорит о том, что изображение этого характера послужило причиной обвинений его в антисемитизме (Лошак 2001: 8)

¹⁹ Восприятие города другой страны как деревни характерно не только для эмигрантов из бывшего СССР. Австралийский антрополог Мар обнаружил, что его информанты, иммигранты из Гонконга, сравнивают с деревней самый динамичный город Австралии, Сидней, так как им кажется, что темп жизни в нем очень медленный, а жители нерасторопны (Мар 1998: 62).

²⁰ Исследуя разговорные модели жителей современных русских городов, Райс обнаружила, что синонимами плохого поведения в высказываниях ее собеседников были слова «некультурный», невоспитанный. Она считает, что такие оценки характерны для женщин (Райс 1997:71–72).

Наш языковой опыт и материал, собранный во время работы над проектом, показывают, что гендерные различия здесь ни при чем. Действительно, мужчины меньше говорят о проблемах воспитания, чем женщины, однако они разделяют точку зрения, что компонентом культурности является соблюдение общественно принятых норм поведения.

²¹ Театр не всегда ассоциируется с высоким искусством. Обиходным словом в иврите, немедленно подхваченным иммигрантами, является «балаган», синоним «беспорядка». О том, насколько прочны его позиции в языке, говорит наличие производного: «балаганист» – человек, создающий беспорядок.